

Библиотека Всемирной Литературы

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Петербург. Стихотворения

Андрей Белый

Стихотворения

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174706
Петербург. Стихотворения: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31063-0

Содержание

Золото в лазури	11
Бальмонту	11
Золотое руно	15
Солнце	19
Закаты	20
За солнцем	24
Вечный зов	25
Гроза на закате	29
Три стихотворения	30
Путь к невозможному	34
Не тот	35
Во храме	43
Старец	44
Образ Вечности	46
Усмиренный	48
Последнее свидание	49
Таинство	50
Вестники	51
В полях	53
Священный рыцарь	55
Душа мира	56
Прежде и теперь	58
Опала	58

Объяснение в любви	61
Менуэт	63
Прощание	65
Полунощницы	67
Променад	71
Ссора	73
Заброшенный дом	75
Сельская картина	77
Воспоминание	81
Отставной военный	83
Незнакомый друг	86
Весна	89
Из окна	91
Свидание	93
Кошмар среди бела дня	95
На окраине города	97
Образы	98
Великан	98
Не страшно	105
Поединок	107
Битва	110
Пригвожденный ужас	111
На горах	113
Вечность	115
Маг	116
Кентавр	117

Игры кентавров	119
Битва кентавров	121
Песнь кентавра	124
Утро	126
Пир	129
Старинный друг	131
Возврат	137
Уж этот сон мне снился	141
Преданье	143
Гном	149
Серенада	151
Одинокество	153
Утешение	155
Жизнь	156
Тоска	159
Один	160
Осень	161
Грезы	162
Северный марш	164
Кладбище	166
Багряница в терниях	167
Разлука	167
Св. Серафим	171
Владимир Соловьев	173
Ожидание	175
Призыв	177

Знаю	179
Возмездие	181
Безумец	185
Жертва вечерняя	189
Мания	191
Забота	193
Блоку	196
Одиночество	200
Осень	202
Священные дни	205
На закате	207
Подражание Вл. Соловьеву	209
Любовь	210
Ясновидение	211
Мои слова	212
С.М. Соловьеву	213
Раздумье	214
Пепел	215
Вместо предисловия	215
Россия	220
Отчаянье	220
Деревня	221
Шоссе	223
На вольном просторе	225
На рельсах	226
Из окна вагона	227

Телеграфист	228
В вагоне	233
Станция	235
Каторжник	238
Вечерком	242
Бурьян	243
Арестанты	246
Веселье на Руси	247
Осинка	250
Песенка комаринская	257
На скате	260
Пустыня	261
Горе	263
Русь	267
Родина	268
Деревня	270
Купец	270
Свидание	271
Стар	273
На откосе	276
Предчувствие	277
Убийство	278
Бегство	281
В городке	282
В деревне	284
Виселица	285

С высоты	288
Паутина	290
Калека	290
Весенняя грусть	292
Предчувствие	294
Паук	294
Мать	298
Судьба	299
Свадьба	302
После венца	304
Город	307
Старинный дом	307
Маскарад	311
Меланхолия	315
Отчаянье	317
Праздник	318
Пир	319
Укор	322
Поджог	323
На улице	324
Вакханалия	325
Арлекинада	327
Преследование	329
Похороны	331
В Летнем саду	333
На площади	335

Прохождение	336
Безумие	339
В полях	339
Матери	340
Полевой пророк	341
На буграх	342
Полевое священнодействие	343
Последний язычник	346
Успокоение	347
Угроза	349
В темнице	351
Утро	352
Отпевание	352
У гроба	354
Вынос	356
Друзьям	359
Туда	360
Просветы	363
Поповна	363
Город	368
Тройка	369
Странники	370
В лодке	371
Жизнь	372
Вечер	374
Тень	375

Работа	376
Всё забыл	377
Кроткий отдых	378
Прогулка	379
Обручальное кольцо	380
Память	382
Ты	383
Приходи	384
Свидание	385
Обет	386
Горемыки	388
Изгнанник	388
Бегство	389
В полях	392
Хулиганская песенка	393
Путь	394
Вспомни!	395
Побег	397
Осень	398
Время	399
Успокоение	403

Андрей Белый

Стихотворения

Посвящаю эту книгу дорогой матери

Золото в лазури

Бальмонту

1

В золотистой дали
облака, как рубины, —
облака, как рубины, прошли,
как тяжелые, красные льдины.

Но зеркальную гладь
пелена из туманов закрыла,
и душа неземную печать
тех огней – сохранила.

И, закрытые тьмой,

горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятением неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира.

Апрель 1903

Москва

2

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей

чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

Май 1903

Москва

3

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:

с тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она,
ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью, весна
над ухом звенит однозвучно.
С тобой, над тобою она.
Ласкает, целует беззвучно.

Хоть те же всё люди кругом,
ты – вечный, свободный, могучий.
О, смейся и плачь: в голубом,
как бисер, рассыпаны тучи.

Закат догорел полосой,
огонь там для сердца не нужен:
там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.
Там матовой, узкой каймой
протянута нитка жемчужин.

1903

Москва

Золотое руно

Посвящено Э.К. Метнеру

1

Золотея, эфир просветится
и в восторге сгорит.
А над морем садится
ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
среди трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
золотое, старинное счастье —
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня.

Апрель 1903

Москва

2

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя
в золотеющий мир.

Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил.

Земля отлегает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,

светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно...

Октябрь 1903

Москва

Солнце

Автору «Будем как Солнце»

Солнцем сердце зажжено.
Солнце – к вечному стремительность.
Солнце – вечное окно
в золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души – зеркала,
отражающие золото.

1903

Серебряный Колодезь

Закаты

1

Даль – без конца. Качается лениво,
шумит овес.

И сердце ждет опять нетерпеливо
все тех же грез.

В печали бледной, виннозолотистой,
закрывшись тучей

и окаймив дутой ее огнистой,
сребристо жгучей,

садится солнце красно-золотое...

И вновь летит

вдоль желтых нив волнение святое,
овсом шумит:

«Душа, смирись: среди пира золотого
скончался день.

И на полях гуманного былого
ложится тень.

Уставший мир в покое засыпает,
и впереди

весны давно никто не ожидает.

И ты не жди.

Нет ничего... И ничего не будет...

И ты умрешь...

Исчезнет мир, и Бог его забудет.

Чего ж ты ждешь?»

В дали зеркальной, огненно-лучистой,

закрывшись тучей

и окаймив дугой ее огнистой,

пунцово-жгучей,

огромный шар, склонясь, горит над нивой

багрянцем роз.

Ложится тень. Качается лениво,

шумит овес.

Июль 1902

Серебряный Колодезь

2

Я шел домой согбенный и усталый,
главу склонив.

Я различал далекий, запоздалый
родной призыв.

Звучало мне: «Пройдет твоя кручина,
умчится сном».

Я вдаль смотрел – тянулась паутина
на голубом

из золотых и лучезарных ниток...

Звучало мне:

«И времена свиваются, как свиток...

И всё – во сне...

Для чистых слез, для радости духовной,
для бытия,
мой падший сын, мой сын единокровный,
зову тебя...»

Так я стоял счастливый, безответный.

Из пыльных туч

над далью нив вознесся златосветный
янтарный луч.

Июнь 1902

Серебряный Колодезь

3

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнёт.
Вдали замирающий голос
в безвременье грустно зовет.

Зовет он тревожно, невнятно
туда, где воздушный чертог,
а тучек скользящие пятна
над нивой плывут на восток.

Закат полосой багряной

бледнеет в дали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
и мир славословит Отца,
а ветер ласкает, целует.
Целует меня без конца.

Март 1902

Москва

За солнцем

Пожаром закат златомирный пылает,
лучистой воздушностью мир пронизав,
над нивою мирной кресты зажигает
и дальние абрисы глав.

Порывом свободным воздушные ткани
в пространствах лазурных влачась, шумят,
обвив нас холодным атласом лобзаний,
с востока на запад летят.

Горячее солнце – кольцо золотое —
твой контур, вонзившийся в тучу, погас.
Горячее солнце – кольцо золотое —
ушло в неизвестность от нас.

Летим к горизонту: там занавес красный
сквозит беззакатностью вечного дня.
Скорей к горизонту! Там занавес красный
весь соткан из грез и огня.

1903

Вечный зов

Д.С. Мережковскому

1

Пронизала вершины дерев
желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
«Объявись – зацелую тебя...»

Старина, в пламенеющий час
обуявшая нас мировым, —
старина, окружившая нас,
водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
вечно грустной спадая волной,
не замает к былому возврат,
навсегда засквозив стариной.

Песнь всё ту же поет старина,
душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
я склонился с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
золотых, лучезарных деревьев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
что-то снова коснулось меня, —
тот же грустно задумчивый зов:
«Объявись – зацелую тебя...»

2

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В небе гас золотистый пожар.
Я смеялся фонарным огням.
Запрудив вокруг меня тротуар,
удивленно внимали речам.

Хохотали они надо мной,
над безумно-смешным лжехристом.
Капля крови огнистой слезой

застывала, дрожа над челом.

Гром пролетов и крики, и стук,
ход бесшумный резиновых шин...
Липкой грязью окаченный вдруг,
побледневший утих арлекин.

Яркогазовым залит лучом,
я поник, зарыдав как дитя.
Потащили в смирительный дом,
погоняя пинками меня.

3

Я сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
всё застыло, искрясь.

И звучит из дали:
«Я так близко от вас,
мои бедные дети земли,
в золотой, янтареющий час...»

И под тусклым окном
за решеткой тюрьмы

ей машу колпаком:

«Скоро, скоро увидимся мы...»

С лучезарных крестов

нити золота тешат меня...

Тот же грустно задумчивый зов:

«Объявись – зацелую тебя...»

Полный радостных мук,

утихает дурак.

Тихо падает на пол из рук

сумасшедший колпак.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Гроза на закате

Вижу на западе волны я
облачно-грозных твердынь.
Вижу – мгновенная молния
блещет над далью пустынь.
Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
в небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
рвет очертаньем крылатым.
Молнии рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

Июнь, 1903

Серебряный Колодезь

Три стихотворения

1

Всё тот же раскинулся свод
над нами лазурно-безмирный,
и тот же на сердце растёт
восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
на склоне небес потухает.
И грудь мою слово одно
знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
подернулся дымкой багряной.

Смеюсь – и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Апрель 1902

Москва

2

Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.

Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.

И мнится – я этой мечтой
всю бездну восторга измеряю.
Ты скажешь – восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес

нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда.

Апрель 1902

Москва

3

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи

загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.

Ах, полет их свободен и волен...

Светозарные волны, искрясь,

озаряют кресты колоколен.

1902

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.
Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.
Это – к Вечности мы
устремилась желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.
Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

Не тот

В.Я. Брюсову

I

Сомненье, как луна, вошло опять,
и помысл злой
стоит, как тать, —
осенней мглой.

Над тополем, и в небе, и в воде
горит кровавый рог.
О, где Ты, где,
великий Бог!..

Откройся нам, священное дитя...
О, долго ль ждать,
шутить, грустя,
и умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет.

II

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой.

Мглой задернут восток...
Дальний крик пролетающих галок...
И плетет себе белый венок
из душистых фиалок.

На лице его тени легли.
Он поет – его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

Горбуны из пещеры пришли,
повинуясь закону.
Горбуны поднесли
золотую корону.

«Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет.
В твоём взоре, о царь,
все, что было, что есть и что будет.

И береза, вершиной скользя
в глубь тумана, ликует...
Кто-то, Вечный, тебя
зацелует!»

Но в туман удаляться он стал.
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
прижимая, как скипетр, фиалки:

«Побеждаеши сим!»
Развевалась его багряница.
Закружилась над ним,
глухо каркая, черная птица.

III

Он – букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.

И любя, и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.
Вот стоит, как дитя,
с золотисто-янтарной бородкой.

«О, народы мои,
приходите, идите ко мне.
Песнь о новой любви
я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм.
Я грядущей весне
свое жаркое сердце отдам.

Приношу в этот час,
как вечернюю жертву, себя...
Я погибну за вас,
беззаветно смеясь и любя...
Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех»...

IV

И он на троне золотом,
весь просиявший, восседая,
волшебнo-пламенным вином
нас всех безумно опьяняя,

ускорил ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый.
И голос бури мировой
для всех раздался вдруг, сердитый.

И на щеках заледенел
вдруг поцелуй желанных губок.
И с тяжким звоном полетел
его вина червонный кубок.

И тени грозные легли
от стран далекого Востока.
Мы все увидели вдали
седобородого пророка.

Пророк с волнением грозным
сказал: «Антихрист объявился»...
И хаос бредом роковым
вкруг нас опять зашевелился.

И с трона грустный царь сошел,
в тот час повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою.

V

Ах, запахнувшись в цветные тоги,
восторг пьянящий из кубка пили.
Мы восхищались, и жизнь, как боги,
познаьем новым озолотили.

Венки засохли, и тоги сняты,
дрожащий светоч едва светится.
Бежим куда-то, тоской объята,
и мрак окрестный бедой грозитя.

И кто-то плачет, охвачен дрожью,
охвачен страхом слепым: «Ужели
все оказалось безумством, ложью,
что нас манило к высокой цели?»

Приют роскошный – волшебств обитель,
где восхищались мы знаньем новым, —
спалил нежданно разящий мститель
в час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
во тьме крошечной, куда – не знаем,
тихонько ропщем, перечисляем
недостающих отсталых братьев.

VI

О, мой царь!
Ты запуган и жалок.
Ты, как встарь,
притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
красный отсвет страданий —
золотистой парчи
пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
как болотная птица...
О, дитя,
вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
наплывающей ночи
на лице снеговом
голубые безумные очи.

О, мой царь,
о, бесцарственно-жалкий,
ты, как встарь,

на лугу собираешь фиалки.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Во храме

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено:

и «Свете тихий» с клиросов воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Старец

Исчезает долин
беспокойная тень,
и средь дымных вершин
разгорается день.
Бесконечно могуч
дивный старец стоит
на востоке средь туч
и призывно кричит:

«Друг, ко мне! Мы пойдем
в бесконечную даль.
Там развеется сном
и болезнь, и печаль»...

Его риза в огне...
И, как снег, седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его – гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,

осиянный мечтой.
И кадит на восток,
на восток золотой.

И все ярче рассвет
золотого огня.
И все ближе привет
беззакатного дня.

Сентябрь 1900

Образ Вечности

Бетховену

Образ возлюбленной – Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в безопасности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной – Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар – сребрится
мой ус и темя,

но радость снится.
Река, что время:
летит – кружится...

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
– Вечности!..

Апрель 1903

Усмирeнный

Молчит усмирeнный, стоящий над кручей отвесной,
любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
в венке серебристом и в мантии бледнонебесной,
простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнувшим светом
великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
к холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волненье безумно-немое,
какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

Последнее свидание

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
ей голову сжали горячим, колючим венцом —
сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит – улыбнулась бескровно-туманным лицом.

Вдали – бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
листы потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
с невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: «Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
последние в мире, безвременьем смытые дни».
Склонился – и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
над ними помчались последние листья, шурша.

1903

Серебряный Колодезь

Таинство

Мне слышались обрывки слов святых.
Пылала кровь в сосудах золотых.
Возликовав, согбенный старый жрец
пред жертвой снял сверкающий венец.

Кадиланицей взмахнул, и фимиам
дыханьем голубым наполнил храм.
Молельщикам раздал венки из роз.
Пал ниц и проливал потоки слез.

Прощальным сном, нетленной мечтой
погас огонь небесно-золотой.
В цветных лампадах засиял чертог.
Заговорил у жертвенника рог.
Возликовав, согбенный старый жрец
из чаш пролил сверкающий багрец.
Средь пряных трав, средь нежных чайных роз
пал ниц и проливал потоки слез.

1901

Вестники

В безысходности нив
онемелый овес
дремлет, колос склонив,
среди несбыточных грез...

Тишину возмутив,
весть безумно пронес
золотой перелив,
что идет к нам Христос.

Закивал, возопив,
исступленный овес.

Тихий звон. Сельский храм
полон ропота, слез.
Не внимая мольбам
голос, полный угроз,
все твердит: «Горе вам!»

Кто-то свечи принес
и сказал беднякам:

«Вот Спаситель-Христос
приближается к нам»...
Среди вздохов и слез

потянулись к дверям.

1903

В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
спускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

1904

Священный рыцарь

Посвящается «бедным рыцарям»

Я нарезал алмазным мечом
себе полосы солнечных бликов.
Я броню из них сделал потом
и восстал среди криков.

Да избавит Царица меня
от руки палачей!
Золотая кольчуга моя
из горячих, воздушных лучей.

Белых тучек нарвал средь лазури,
приковал к мирозлатному шлему.
Пели ясные бури
из пространств дорогую поэму.

Вызывал я на бой
ослепленных заразой неверья.
Холодеющий вихрь, золотой,
затрепал мои белые перья.

1903

Душа мира

Вечной
тучкой несется,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеется.
Грядой серебристой
летит над водою —
— лучисто —
волнистой
грядую.

Чистая,
словно мир,
вся лучистая —
золотая заря,
мировая душа.
За тобою бежишь,
весь
горя,
как на пир,
как на пир
спеша.
Травой шелестишь:
«Я здесь,

где цветы...

Мир

вам...»

И бежишь,

как на пир,

но ты —

Там...

Пронесясь

ветерком,

ты зелень чуть тронешь,

ты пахнёшь

холодком

и смеясь

вмиг

в лазури утонешь,

улетишь на крыльях стрекозовых.

С гвоздик

малиновых,

с бледно-розовых

кашек —

ты рубиновых

гонишь

букашек.

1902

Прежде и теперь

Опала

Посвящается А.А. Блоку

Блестящие ходят персоны,
повсюду фаянс и фарфор,
расписаны нежно плафоны,
музыка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
и статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
в андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
отвесил глубокий поклон, —

Приветливый, ясный, речистый,
отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро,
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
на золотом шитый камзол.

«Для вас, государь мой, не тайна,
что можете вы пострадать:
и вот я прошу чрезвычайно
сию неисправность изъять...»
Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: «Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев —
у нас есть немало вельмож —

Коль вы не исправны, законы
блюсти я доверю другим...
Повсюду, повсюду препоны
моим начинаньям благим!..»

И, гневно поднявшись, отваги
исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
глядит – любопытный, притворный:
«Что с вами? Лица на вас нет...»

В опале?.. Назначен Бестужев?»
Главу опустил – и молчит.
Вкруг море камзолов и кружев,
волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
музыка приветствует с хор,
окраскою нежной плафоны
ласкают пресыщенный взор.

Апрель 1903

Москва

Объяснение в любви

Посвящается дорогой матери

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
как пышная роза, сидит.
Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах,
мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

под вешнюю лаской фортуны
и хмелью обвитый карниз,
и стены. Прекрасный и юный,
пред нею склонился маркиз

в привычно заученной роли,
в волнисто-седом парике,
в лазурно-атласном камзоле,
с малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветов сей принять...»
Смеется под звук клавесина
и хочет кухню обнять.

Уже вдоль газонов росистых
туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
луна золотая плывет.

Март 1903

Москва

Менуэт

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках – кисейные шарфы.

Подули зефиры —
воздушный аккорд
Эоловой арфы.
Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались —
все в красном – лакеи...
Идет в глубь аллеи
по старому парку.

Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

Март 1903

Москва

Прощание

Посвящается Эллису

Красавец Огюст,
на стол уронив табакерку,
задев этажерку,
обнявши подругу за талью, склонился
на бюст.

«Вы – радости, кои
Фортуна несла – далеки!..»

На клумбах левкой.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости, мое щастье:
уйдет твой Огюст...»
Взирает на них без участия
холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянec...

«Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
с отвагою, шпагой проткну...

Ответишь в день оный,

коль, сердце, забудешь меня».

Сверкают попоны
лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
и вдаль улетел.

И к листику листик
прижался:
то хладный зефир прошумел.

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?»
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
и мраморный бюст.

Апрель 1903

Москва

Полунощницы

Посвящается А.А. Блоку

На столике зеркало, пудра, флаконы,
что держат в руках купидоны,
белила,
румяна...
Затянута туго корсетом,
в кисейном девица в ладоши забила,
вертясь пред своим туалетом:
«Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!..»

И к котику клонит
свой носик и ротик...

Щебечет другая
нежнее картинки:
«Ma chere, дорогая —
сережки, корсажи, ботинки!..
Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах...»

Блистают
им свечи.

Мелькают
на стенах
их фижмы
и букли, и плечи...

«Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
но кости заныли,
прощайте!..» —
старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
«Нет, вы погадайте...»
И все приседали,
шуршали атласом...
«Ведь вас обучал Калиостро...»

— «Ну, карты давайте...»
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,
очагами сверкает так остро:
«Вот трефы, вот бубны...»
На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звенят их браслеты,
горят их сережки...

Трясется чепец, и колышутся лопасти кофты.
И голос звучит ее трубный:
«Беги женихов ты...

Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.
Гасти сантимента сердечного жар ты...
Опять те же карты:
Вот бубны,
вот черви...»

Вопросы... Ответы...
И слушают чутко...
Взирают со стен равнодушно портреты...
Зажегся взор шустрый...
Темно в переходах
и жутко...

И в залах на сводах
погашены люстры...
И в горнице тени трепещут...

И шепчутся: «Тише,
вот папа
услышит, что дочки ладонями плещут,
что возьятся ночью, как мыши,
и тешат свой норов...
Вот папа
пришлет к нам лакея «арапа».

Притихли, но поздно:
в дали коридоров
со светом в руках приближаются грозно...
Шатаются мраки...

Арапы идут и – о Боже! —
вот шарканье туфель доносится грубо,
смеются их черные рожи,
алеют их губы,
мелькают пунцовые фраки...

1903

Серебряный Колодезь

Променад

Красотка летит вдоль аллеи
в карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
в чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
перед ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгретка.
В карете испытанным другом
с ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
красавец наездник промчался;
он, ветку акации нежной
сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
напудренно-бледный и томный, —
шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
стоит неподвижно статуя,
охвачена заревом красным.

1903

Серебряный Колодезь

Ссора

Посвящается М.И. Балтрушайтису

Заплели косицы змейкой
графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
подобрав жеманно юбки,
на песок поставив лейку
и сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
образ строгий гувернантки, —
возникают перебранки
и друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
дух идет от лепесточков,
от голубеньких цветочков,

от белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
«Злые дети, вас накажут!..»

Вечер. Дом, газон, кусточек
тонут в полосах тумана.
«Стонет сизый голубочек», —
льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
подобрав жеманно юбки,
как нахохленные птицы,
в дом идут, надувши губки.

Апрель 1903

Москва

Заброшенный дом

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы – любезные предки?»

Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.

И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
среди нежно белеющих лилий —
облупленный герб
дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
глумится над горем моим.

Посмотришь в окно —
часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
с углем нарисованным зайцем.
Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали —
равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской
обвеянный жизнью давней,
как шепчется ветер с листвою,
как хлопает сорванной ставней.

Июнь 1903

Серебряный Колодезь

Сельская картина

М.А. Эртелю

Сквозь зелень воздушность одела
их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
шепнула: «День зноен, приятен...»

Девушка
клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
омыло струею душистого пара.

В морщинах у старой змеилась
как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховойный...
Кудрявенький мальчик
в пикейной
матроске к лазури протягивал пальчик:
«Куда полетела со стен ты,
зеленая мушка?»

Чепца серебристого ленты,
вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
девица
грустила о милом.
Тяжелые косы,
томясь, через плечи она перекинула разом.

Звенящие, желтые осы
кружились над стынувшим тазом.

Девица за ласточкой вольной
следила завистливым оком,
грустила невольно
о том, что разлучены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно —
она зарыдала,
сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
ребенка лучом искрометным целуя.

Ребенок гонялся
за мушкой
среди кашек.
Метался,
танцуя,
над ним столб букашек.

И вот дуновенье
струило прохладу
волною.
Тоскливое пенье
звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной —
печальный, печальный —
туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
забил над куртиной
фонтанчик хрустальный,
пронизанный златом рубинным.

Средь розовых шапок левкоя
старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы бывшее
почтили вздыханьем.
Шептала

старушка: «Как вечер приятен!»

И вот одевала
заря ее пологом огненных пятен.

1904

Москва

Воспоминание

Посвящается Л.Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.
На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!..»
Стенная кукушка,

хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903

Москва

Отставной военный

Вот к дому, катя по аллеям,
с нахмуренным Яшкой —
с лакеем,
подъехал старик, отставной генерал с деревяшкой.

Семейство,
чтя русский
обычай, вело генерала для винного действия
к закуске.

Претолстый помещик, куривший сигару,
напяливший в полдень поддевку,
среди жару
пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
военный
про турок:
«Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции...»
Вились вокруг террасы
цветы золотые настурции.

Взирая

на девку блондинку,
на хлеб полагая
сардинку,
кричал
генерал:
«И под хохот громовый
проснувшейся пушки
ложились костями батальоны...»

В кленовой
аллее носились унылые стоны
кукушки.

Про душную страду
в полях где-то пели
так звонко.
Мальчишки из саду
сквозь ели,
крича, выгоняли теленка.

«Не тот, так другой
погибал,
умножались
могилы», —
кричал,
от вина огневой...
Наливались
на лбу его синие жилы.

«Нам страх был неведом...

Еще на Кавказе сжигали аул за аулом...»

С коричневым пледом
и стулом
в аллее стоял,
дожидаясь,
надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
с террасы, военный по ветхим ступеням стучал
деревяшкой.

1904

Москва

Незнакомый друг

Посвящается П.Н. Батюшкову

I

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
мальчишкам мигает со смехом
в своей необъятной шинели,
отделанной выцветшим мехом.

II

Он всюду, где жизнь, – и наемни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают: про замысел вражий,

он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся – и даже
квартирные Пресненской части.
В мясной ему все без прибавки —
Не то что другим – отпускают...
И с ним о войне рассуждают
хозяева ситцевой лавки...

Приходит, садится у окон
с улыбкой, приветливо ясный...
В огромный фулярово-красный
сморкается громко платок он.
«Китаец дерется с японцем...
В газетах об этом писали...
Ох, что ни творится под солнцем...
Недавно... купца обокрали»...

Ш

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
исполненный вечной печали...

Вот яростно с крыши железной
рукав серебристый взметнулся,

как будто для жалобы слезной
незримый в хаосе проснулся, —
как будто далекие трубы...

Оставленный всеми, как инок,
стоит он среди бледных снежинок,
подняв воротник своей шубы...

IV

Как часто среди белой метели,
детей провожая со смехом,
бродил он в старинной шинели,
отделанной выцветшим мехом...

1903

Москва

Весна

Всё подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настезь – и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903

Москва

Из окна

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь – голос мне слышится пылкий
и вижу распущенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.
На дворике сохнут лоскутья...
И голос болгара иль серба

гортанный протяжно рыдает...
И слышится: «Шум на Марица...»
Сбежались. А сверху девица
с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята
прыжками цепной обезьянки.
Из вечно плаксивой Травьяты
мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль – огороды
мелькнут перед взором рядами,
заводы, заводы, заводы!..
Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,
портные расселись в воротах.
Забыв о тяжелых заботах,
орут под гармонику хором.

1903

Свидание

На мотив из Брюсова

Время плетется лениво.
Всё тебя нету да нет.

Час простоял терпеливо.
Или больна ты, мой свет?

День-то весь спину мыгнули,
а к девяти я был здесь...

Иль про меня что шепнули?..
Тоже не пил праздник весь...

Трубы гремят на бульваре.
Пыль золотая летит.

Франтик в истрепанной паре,
знать, на гулянье бежит.

Там престарелый извозчик
парня в участок везет.

Здесь оборванец разносчик
дули и квас продает.

Как я устал, поджидая!..
Злая, опять не пришла...

Тучи бледнеют, сгорая.
Стелется пыльная мгла.

Вечер. Бреду одиноко.
Тускло горят фонари.
Там... над домами... далеко
узкая лента зари.

Сердце сжимается больно.
Конка протяжно звенит.

Там... вдалеке... колокольня
образом темным торчит.

1902

Кошмар среди бела дня

Солнце жжет. Вдоль тротуара
под эскортом пепиньерок
вот идет за парой пара
бледных, хмурых пансионеров.

Цепью вытянулись длинной,
идут медленно и чинно —
в скромных, черненьких ботинках,
в снежно-белых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
заплетенные косицы —
точно все не молодые,
точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
смотрит классная их дама.

«Mademoiselle Nadine, tenez vous
Droit»...¹ И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву

---

¹ Мадемуазель Надин, держитесь прямо (фр.).

обернувшийся прохожий...
Покачает головою,
удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
между улиц извиваясь.

1903

Москва

На окраине города

Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц.
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.

Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарщик проворный,
мурлыча веселую песенку.

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных домов
застывшие клубы.

1904

Образы

Великан

1

«Поздно уж, милая, поздно... усни:
это обман...

Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это – обман».

Ветер холодный призывно шумит,
холодно нам...

Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
нам закивал
и запахнулся в туман голубой.

Ах, это, верно, был призрак ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке.
Месяц встает.
Ветер холодный шумит в тростнике.

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
сонный поет.
«Всё это бредни... Мы в поле одни.
Влажный туман
нас, как младенцев, укроет в тени...»

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это – обман...»

Март 1901
Москва

2

Сергею Михайловичу Соловьеву
Бедные дети устали:
сладко заснули.
Сонные тополи в дали
горько вздохнули,

мучимы вечным обманом,
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.

Там великан одинокий,
низко согнувшись,
шествовал к цели далекой,
в плащ запахнувшись.

Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
Как его плащ развевался,
ветром надутый.

Тополι горько вздохнули...
Абрис могучий,
вдруг набежав, затянули
бледные тучи.

3

Средь туманного дня,
созерцая минувшие грезы,
близ речного ручья

великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
На челе были складки кручины.
Он кричал, что один,
что он стар, что немые години

надоели ему...
Лишь слышат громовые речи, —
точно встретив чуму,
все бегут и дрожат после встречи.

Он – почтенный старик,
а еще не видал теплой ласки.
Ах, он только велик...
Ах, он видит туманные сказки.

Облака разнесли
этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
«Это ветер шумит средь тумана».

Проходили века.
Разражались ненастные грозы.

На щеках старика
заблестали алмазные слезы.

4

Потянуло грозой.
Горизонт затянулся.
И над знойной страной
его плащ растянулся.

Полетели, клубясь,
грозно вздутые скалы.
Замелькал нам, искрясь,
из-за тучи платок его алый.

Вот плеснул из ведра,
грозно ухнув на нас для потехи:
«Затопить вас пора...
А ужo всем влетит на орехи!»

Вот нога его грузным столбом
где-то близко от нас опустилась,
и потом
вновь лазурь просветилась.

«До свиданья! – кричал. —

Мы увидимся летними днями...»
В глубину побежал,
нам махнув своей шляпой с полями.

5

В час зари на небосклоне,
скрывши лик хитоном белым,
он стоит в своей короне
замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Всё притихнет.
Он пойдет на нас сердито.
Ветром дунет, гневом вспыхнет,
сетью проволок повитый

изумрудно-золотистых,
фиолетово-пурпурных.
И верхи дубов ветвистых
зашумят в движеньях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
оглушить громовым ревом,
разорвется облаками
в небе темно-бирюзовом.

Не страшно

Боль сердечных ран,
и тоска растет.
На полях – туман.
Скоро ночь сойдет.

Ты уйдешь, а я
буду вновь один...

И пройдет, грозя,
меж лесных вершин
великан седой:
закачает лес,
склон ночных небес
затенит бедой.

Страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!..

Буйный ветер спит.
Ночь летит на нас...

Сквозь туман горит

пара красных глаз —

страшен мрак ночной,
коли нет огня...

Посиди со мной,
не оставь меня!

Мне не страшно, нет...
Ты как сон... как луч...
Брызжет ровный свет
из далеких туч...

Надо спать... Все спит...
Я во сне...
...Вон там
великан стоит
и кивает нам.

Май 1900

Москва

Поединок

Посвящается Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь – огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцуя, блещут:
так клочья палевого знамени

в лазури плещут.

Октябрь 1903

Москва

Битва

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
бессильно шатается, дружеских ищет объятий:
порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
над телом склоняются медленно гибнущих братьев!..

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки
– и нет их... пронизанный тканью червонных пожаров,
плывет многобашенный город, туманно-далекий.

Июль 1903

Серебряный Колодезь

Пригвожденный ужас

Давно я здесь в лесу – искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещей
с худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно зовет.
«Усни, мечтатель жалкий, – поздно, поздно»
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликование бурном.
Погасли в тучах горные пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый. Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклятью.
Молил творца о счастье безбурном.
Увидел вдруг – к высокому распятью
был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
«Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!»
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

1903

На горах

Горы в брачных венцах
Я в восторге и молод.
У меня на горах
очистительный холод.

Вот ко мне на утес
притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
прославляя лазурь.
Бородою взметал
вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
низким басом.
В небеса запустил
ананасом.

И, дугу описав,
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,

золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу
«Это – диск пламезарного солнца...»

Низвергались, звеня,
омывали утесы
золотые фонтаны огня —
хрусталя
заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
и, подкравшись боком,
горбуна окатил
светопенным потоком.

1903

Москва

Вечность

Шумит, шумит знакомым перезвоном
далекий зов, из Вечности возникший.
Безмирноблестная, увитая хитоном
воздушночерным, с головой поникшей
и с урной на плечах, глухим порывом
она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
серебряной каймой.
И ей все то же снится
над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
тоскующих времен.

Все ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
с душой больной над жизнью разбитой —
над старой, опрокинутою урной —
она стоит у пропасти туманной
виденьем черным, сказкою обманной.

Маг

В.Я. Брюсову

Я в свите временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
о тайне неба вопиющих.
Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещею глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Кентавр

Посвящается В.В. Владимирову

Был страшен и холоден сумрак ночной,
когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
и в чаще сосновой призывно кричал:
«О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат —
с тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши».

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,
копытами землю сырую взрывал.
Лукаво подмигивал. Взором блеснул
и длинные руки ко мне протянул:
«Здорово, товарищ... Я слышал твой зов...
К тебе я примчался из бездны веков».

Страданье былое, как сон, пронеслось.
Над лесом огнистое солнце зажглось.
Меж старых камней засиял ручеек.
Из красной гвоздики надел я венок.
Веселый кентавр средь лазурного дня

дождем незабудок осыпал меня.

Весь день старый в золоте солнца играл,
зеленые ветви рукой раздвигал,
а ночью туманной простился со мной
и с факелом красным ушел в мир иной.
Я счастья не мог позабыть своего:
все слышал раскатистый хохот его.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Игры кентавров

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьем.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув

В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

1903

Битва кентавров

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
Зарница беззвучно дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

И вижу – в молчанье немом
сквозь зелень лепечущих лавров
на выступе мшистом, крутом
немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал,
в крови весь, на грунте изрытом.
Над ним победитель заржал
и бьет его мощным копытом.

Не внемлет упорной мольбе,
горит весь огнем неприязни.
Сраженный, покорный судьбе,
зажмурил глаза и ждет казни.

Сам вызвал врага и не мог
осилить стремительный приступ.
Под ними вспененный поток
шумит, разбиваясь о выступ...

Воздушно-серебряный блеск
потух. Все во мраке пропало.
Я слышал лишь крики да всплеск,
как будто что в воду упало.

.....

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
И снова зарница дрожит
мерцаньем серебряно-бледным.

Смотрю – колыхается лавр...
За ним удаленным контуром
над пенною бездной кентавр
стоит изваянием хмурым.

Под ним серебрится река.
Он взором блистает орлиным.
Он хлещет крутые бока
и спину хвостом лошадиным.

Он сбросил врага, и в поток
бессильное тело слетело.
И враг больше выплыть не мог,
и пена реки заалела.

Он поднял обломок скалы,
Чтоб кинуть в седую пучину.

.....

И нет ничего среди мглы,
объявшей немую картину.

Кругом только капли стучат.
Вздыхаешь об утре лазурном.
И слышишь, как лавры шумят
в веселье неслыханно бурном.

Апрель 1902

Москва

Песнь кентавра

Над речкой кентавр полусонный поет.
Мечтательным взором кого-то зовет.
На лире играет. И струны звенят.
В безумных глазах будто искры горят.
В морщинах чела притаилась гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Вдали – точно Вечность. Все то же вдали.
Туманы синеют. Леса залегли.
Уснет и проснется порыв буревой,
и кто-то заблещет, бездонно-немой.

Над речкой кентавр полусонный стоит.
В тревоге главу опустил и молчит.
Мечтатель со дна приподнялся реки,
раздвинув дрожащей рукой тростники.
И шепчет чуть слышно: «Я понял тебя...
Тоскую, как ты, я. Тоскую, любя...
Безумно люблю и зову, но кого?
Не вижу, как ты, пред собой никого.
Учитель, учитель, мы оба в тоске —
бездонные волны на шумной реке...

Как ты, одинок я. Ты робок, как я.
Учитель, учитель! Я понял тебя»...
Уснул и проснулся порыв буревой.

В волнах захлебнулся мечтатель речной.
Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Над речкой кентавр возмущенный зовет.

Уставшую землю копытами бьет.
Он вытянул шею. Он лиру разбил.
Он руки в безумстве своем заломил.
И крик его – дикое ржанье коня.
И взор его – бездна тоски и огня.
В волнах набегающих машет рукой
двойник, опрокинутый вниз головой.

1902

Утро

1

Грядой пурпурной
проходят облачка все той же сменой.
В них дышит пламень.
Отхлынет прочь волна, разбившись бурной
шипучей пеной
о камень.

Из чащи вышедший погреться, фавн лесной,
смешной
и бородатый,
копытом бьет
на валуне.
Поет
в волынку гимн весне,
наморщив лоб рогатый.

У ног его вздохнет
волна и моется.
Он вдаль бросает взгляды.
То плечи, то рука играющей наяды
меж волн блеснет

и скроется...

2

В небе туча горит янтарем.
Мглой курится.
На туманном утесе забила крылом
белоснежная птица.

Водяная поет.
Волоса распускает.
Скоро солнце взойдет,
и она, будто сказка, растает.

И невольно грустит.
И в алмазах ресницы.
Кто-то, милый, кричит.
Это голос восторженной птицы.

Над морскими сапфирами рыбьим хвостом
старец старый трясет, грозовой и сердитый.
Скоро весь он рассеется призрачным сном,
желто-розовой пеной покрытый.

Солнце тучу перстом
огнезарным пронзило.

И опять серебристым крылом
эта птица забила.

1902

Москва

Пир

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.

Табачный угар из гигантовой трубки
на небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта.
К себе всех зову я с весельем и злостью.

На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
в могильных покровах неистовый танец.

Деревья листвою золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.

Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?
Поставил на стол я светильников девять.
Пришел, нацепив ярко-огненный бант,
мастито присев на какой-то обрубок,

от бремени лет полысевший гигант
и тянет вина изумрудного кубок.

1902

Москва

Старинный друг

Посвящается Э.К. Метнеру

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне. В твоей простертой длани
пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: «А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?»
А я в ответ: «Суровый и бессильный,
уснул на веки. Больше не проснется»...

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышно-золотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели.

Холодный ветер раздувал мятежно
пунцовый жар и шелковое пламя.
Спокойно грелись... Затрепался нежно
одежды край, как золотое знамя.

Вдруг видим – лошади в уборе жалком
к чертогу тащат два железных гроба.
Воскресший гном кричит за катафалком:
«Уйдете вы в свои могилы оба»...

В очах сверкнул огонь смертельной муки.
Коротко было расставанье наше.
Мы осушили праздничные чаши.
Мы побрели в гроба, сложивши руки.

2

Янтарный луч озолотил пещеры...
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
в моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: «Опять свобода,
опять весна, и та же радость снится»...
Суровый гном, весь в огненном, у входа

в бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...

Мы смущены все тем же тихом зовом.

С тревожным визгом ласточки, купаясь,
в эфире тонут бледно-бирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый.

О друг, молчи, не говори со мною!..

Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
волной омыт воздушно-голубою...

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
кровавый карлик с мертвенным лицом:

«Все улетит... Все пронесется сном...

Вернетесь вы в свои могилы оба!»

И я очнулся... Старые мечтанья!..

Бесцелен сон о пробужденье новом.

Бесцельно жду какого-то свиданья.

Касатки тонут в небе бирюзовом.

3

Над гробом стоя, тосковал бездонно.

Пещера той же пастью мне зияла.

К провальной бездне мчащийся исконно,
поток столетий Вечность прогоняла.

Могильный гном, согнувшийся у входа,
оцепенев, дремал в смертельной скуке.

«О где ты, где, старинная свобода!»

Я зарыдал, крича, ломая руки,

порывом диким, трепетно-бескрылым,
с тупым отчаяньем безвинной жертвы.

И пронеслось шептаньем грустно-милым:

«Пройдут века, и ты восстанешь, мертвый...»

В гробах сквозь сон услышите вы оба
сигнальный рог, в лазури прогремевший.

Старинный друг придет к тебе из гроба,
подняв на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
в провалах темных Вечность прогоняла.

Дремавший гном уткнулся в покрывало.

Рвались по ветру огненные складки.

И я молчал, так радостно задетый
крылами черных, шелковых касаток

Горели славой меркнувшие светы.

Горел щита червонного остаток.

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, бессмертные потоки
железные гробницы омывали.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял один в своей одежде льняной,
обвитый золотистою парчою.

Число столетий в безднах роковое
бесследным вихрем в Вечность пролетело.
Его лицо янтарно-восковое
в лазурно-ясном счастье цепенело.

Две ласточки с любовным трепетаньем
уселися к Спасителю на плечи.
И он сказал: «Летите с щебетаньем
в страну гробов – весенние предтечи»...

На тверди распластался, плача слезно,
пятном кровавым гном затрепетавший.
Христу вручил он смерти ключ железный,
услышав рог, в лазури прозвучавший.

Лежал в гробу, одетый в саван белый,
Гроб распахнулся. Завизжала скоба.
Мне улыбался грустно-онемелый,
старинный друг, склонившийся у гроба.

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.
И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье.

Сияло небо золотой парчою.
Воздушность мчалась тканью вечно-пьяной.
Иисус Христос безвременной свечою
стоял вдали в одежде снежно-льняной.

Возврат

Посвящается А.С. Петровскому

1

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездой дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как наги.
Как сон, мелькнет поток столетий быстрый.
Поддай им кубки пенно-пирной влаги,
в которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит – ученый.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет. Плащ его зеленый
над бездною полощется седою.

Шепну тебе: из стран обетованных
в долину скорби суждено уйти им...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
зеленый плащ под ноги расстели им.

2

На пир бежит с низин толпа народу.
Стоит над миром солнца шар янтарный.
Таинственно протянутый к восходу,
на высях блещет жезл мой светозарный.
Подножье пира – льдистая вершина.
Пылает скатерть золотом червонца.
В сосудах ценных мировые вина:
вот тут – лазурь, а там – напиток солнца.

Одетый в плащ зари вечерне-темный
и в туфли изумрудные обутый,
идет мой гном, приветливый и скромный,
над головой держа свой рог загнутый.

Он жемчуга дарит, как поцелуи,
то здесь, то там тяжелый рог нагнувши,
журчащие, ласкающие струи
между собой и гостем протянувши.

Меж них хожу в небесно-бледной тоге.
То здесь, то там мелькает жезл волшебный.
«Друзья, пируйте – будете как боги»,
то там, то здесь твержу: «Мой стол – целебный.

До ночи мы пробудем на высотах.
А ночью, взяв пунцовые лампы,
отправимся в таинственные гроты,
где выход нам завесят водопады».

Венчая пир, с улыбкой роковой
вкруг излучая трепет светозарный,
мой верный гном несет над головою
на круглом блюде солнца шар янтарный.

3

В очах блеснул огонь звериной страсти.
С налитыми, кровавыми челами
разорванные солнечные части

сосут дрожаще-жадными губами.

Иной, окончив солнечное блюдо,
за лишний кус ведет шумливо торги.
На льду огнисто-блещущей грудой
отражена картина диких оргий.
Я застил свет во гневе. Тенью длинной
легла на них моей одежды лопасть.
Над головою Вечностью старинной,
бездонно-темной, разверзалась пропасть.

Безмолвно ждал я алчущего брата,
в толпе зверей ища высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
объятые, спускаются в провалы.
Сорвавши плащ, в негодованье шумном
мой верный гном им вслед бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блещит грядой узорной.
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

УЖ ЭТОТ СОН МНЕ СНИЛСЯ

Посвящается А.П. Печковскому

На бледно-белый мрамор мы склонились
и отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало
сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утонуло.
В слезах вечерних, бледно-золотистых,
твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
к несбыточному счастью проснувшись.
Среди лазури огненной бедую
опять к нам шел скелет, блестя косою,
в малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: «Уж этот сон мне снился!..»
Скелет веселый мне кивнул лукаво.

И ты опять пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
сказав: «Прощай, до нового свиданья»...
И лишь коса в звенящем трепетанье
из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клочок в лазури проносился.
На бледно-белый мрамор я склонился
и горевал, прося грозы и бури.

Да, этот сон когда-то мне уж снился.

1902

Преданье

Посвящается С.А. Соколову

1

Он был пророк.
Она – сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
сияли взгляды
пламенно-святые.
Струились завитки кудрей —
вина каскады
пенно-золотые.
Как облачко, закрывшее лазурь,
с пролетами лазури
и с пепельной каймой —
предтеча бурь —
ее лицо, застывшее без бури,
волос омытое волной.

Сквозь грозы

и напасти
стремились, и была в чертах печальных
нега.
Из багряницы роз многострадальных
страсти
творили розы
снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
вея, —
розовые зори просветлялись
жемчугами —
умирали, ласково бледнея.

2

На башнях дальних облаков
ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал,
меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
столбы червонные берилла.

Он ей сказал: «Любовью смерть
и смертью страсти победивший,
я уплыву, и вновь на твердь
сойду, как бог, свой лик явивший».

Сибилла грустно замерла,
откинув пепельный свой локон.
И ей надел по верх чела
из бледных ландышей венки он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир, надулся парус,
помчался челн и за собой
рассыпал огневой стеклярус.

3

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
всплывая тихо, месяц стыл
обломком матовым оникса.

Чертя причудливый узор,
лазурью нежною сквозили
стрекозы бледные. И взор

хрустальным кружевом повили.

Вспенял крылатый, легкий челн
водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там среди ясных волн
качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
и бледно-пепельные складки
его плаща среди зыбей
крутил в пространствах ветер шаткий.

4

И била временем волна.
Прошли года. Под сенью храма
она состарилась одна
в столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
венком из трав благоуханных,
народ к иному божеству
звала в глаголах несказанных.
В закатный час, покинув храм,
навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам

струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
улыбкой брачною закатов.
И рдело золотом оно
и темным пурпуром гранатов.

Забут теперь, разрушен храм,
И у дорической колонны,
струя священный фимиам,
блестит росой шиповник сонный.

Забут алтарь. И заплетен
уж виноградом дикий мрамор
И вот навеки иссечен
старинный лозунг: «Sanctus amor».

И то, что было, не прошло...
Я там стоял оцепенелый.
Глядясь в дрожащее стекло,
качался лебедь сонный, белый.

И солнца диск почил в огнях
Плясали бешено на влаге, —
на хризолитовых струях
молниеносные зигзаги.

«Вернись, наш бог», — молился я,
и вдалеке белелся парус.

И кто-то, грустный, у руля
рассыпал огненный стеклярус.

Ноябрь 1903

Москва

Гном

1

Вихрь северный злился,
а гном запоздалый
в лесу приютился,
надвинув колпак ярко-алый.

Роптал он: «За что же,
убитый ненастьем,
о Боже,
умру – не помянут участием!»

Чредою тягучей
года протекали.
Морщились тучи.
И ливни хлестали.

Всё ждал, не повеет ли счастьем.
Склонился усталый.
Качался с участием
колпак ярко-алый.

Не слышно зловещего грома
Ненастье прошло – пролетело
Лицо постаревшего гнома
в слезах заревых огневело.

Сказал он: «Довольно, довольно...»
В лучах борода серебрилась.
Сказал – засмеялся невольно,
улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
«Несите меня, мои ноги,
домой, заждались меня дома».
Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.
Блеснуло прощальной каймою
зеркальное золото солнца.

Серенада

Посвящается П.Н. Батюшкову

Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...
Бирюза, бирюза
заливает окрестность...
Дорогая,
луна – заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов
струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть
стая белых, немых лебедей
меж росистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла.

От тоски в жажде снов нежно крыльями плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина:
это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгрин —

лебедей
Лоэнгрин.

Март 1904

Москва

Одиночество

Сирий, убогий в пустыне бреду.
Всё себе кров не найду.
Плачу о дне.
Плачу... Так страшно, так холодно мне.

Годы проходят. Приют не найду.
Сирий иду.

Вот и кладбище... В железном гробу
чью-то я слышу мольбу.
Мимо иду...
Стонут деревья в холодном бреду...

Губы бескровные шепчут мольбу...
Стонут в гробу.

Жизнь отлетела от бедной земли.
Темные тучи прошли.
Ветер ночной
рвет мои кудри рукой ледяной.

Старые образы встали вдали.
В Вечность ушли.

Апрель 1900

Москва

Утешение

Скрипит под санями сверкающий снег.
Как внятен собак замирающий бег...

Как льдины на море, сияя, трещат...
На льдинах, как тени, медведи сидят...

Хандру и унынье, товарищ, забудь!..
Полярное пламя не даст нам уснуть...

Вспомянем, вспомянем былую весну...
Прислушайся – скальды поют старину...

Их голос воинственный дик и суров...
Их шлемы пернатые там, меж снегов,

зажженные светом ночи ледяной...
Бесследно уходят на север родной.

1901

ЖИЗНЬ

Посвящается Г.К. Балтрушайтису

1

Сияя перстами, заря рассветала
над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала.
Мелькали зубцы белых льдин.

Душа молодая просила обмана.
Слеза нам туманила взор.
Бесстрашно отчалил средь хлопьев тумана
от берега с песней помор.
Мы сдвинули чаши, наполнив до краю
душистым, янтарным вином.
Мы плакали молча, о чем, я не знаю.
Нам весело было вдвоем.

2

Года проходили... Угрозой седую
полярная ночь шла на нас.
Мы тихо прощались с холодной зарею
в вечерний, тоскующий час.

Крылатая шхуна в туман утопала,
качаясь меж водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
стена наплывающих льдин...

Старушка, ты робко на друга взглянула, —
согбенный, я был пред тобой.
Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
поникла седой головой.

3

Я глухо промолвил: «Наполним же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, так другие, так правнуки наши
зарю будут с песней встречать...»

Пускай же охватит нас тьмы бесконечность —
сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
полярное пламя свое!...»

Знакомую песню вдали затянули.
Снежинки мелькали кругом...
Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули...
Наполнили чашу вином.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Тоска

Вот на струны больные, скользнувши, упала слеза.
Душу грусть обуяла.
Все в тоске отзвучало.
И темны небеса.

О Всевышний, мне грезы, мне сладость забвенья подай.
Безнадежны моления.
Похоронное пенье
наполняет наш край.

Кто-то Грустный мне шепчет, чуть слышно вздыхая:
«Покой»...
Свищет ветер, рыдая...
И пою, умирая,
от тоски сам не свой...

1903

Один

Посвящается Сергею Львовичу Кобылинскому

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
у окна.

Ветер. Никнет, споря,
ряд седых берез.
Много было горя...
Много слез...

И встает невольно
скудный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.

Декабрь 1900

Москва

Осень

Пролетела весна.
Лес багрянцем шумит.
Огневая луна
из тумана глядит.

Или вспомнила вновь
ты весенние дни,
молодую любовь,
заревые огни?

Пролетела весна —
вечно горький обман...
Побледнела луна.
Серебрится туман.

Отвернулась... Глядишь
с бесконечной тоской,
как над быстрой рекой
покачнулся камыш.

1901

Москва

Грезы

Кто ходит, кто бродит за прудом в тени?..
Седые туманы вздыхают.

Цветы, вспоминая минувшие дни,
холодные слезы роняют.

О сердце больное, забудься, усни...
Над прудом туманы вздыхают.

Кто ходит, кто бродит на той стороне
за тихой, зеркальной равниной?..
Кто плачет так горько при бледной луне,
кто руки ломает с кручиной?

Нет, нет... Ветерок пробежал в полусне...
Нет... Стелится пар над трясинной...

О сердце больное, забудься, усни...
Там нет никого... Это – грезы...

Цветы, вспоминая минувшие дни,
роняют холодные слезы...

И только в свинцовых туманах они —
грядущие, темные грозы...

Январь 1899

Москва

Северный марш

Ты горем убит,
измучен страданием —
Медведица в небе горит
бесстрастным сияньем.

Вся жизнь – лишь обман,
а в жизни мы гости...
Метель набросает курган
на старые кости.

Снеговой шатер
протянется скучно...
На небе огнистый костер
заблещет беззвучно.

Алмазом сверкнет
покров твой морозный.
Медведь над могилой пройдет
походкою грозной.
Тоскующий вой
в сугробах утонет.
Под льдистой, холодной броней
вдруг кто-то застонет.

Июль 1901

Серебряный Колодезь

Кладбище

Осенне-серый меркнет день.
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где все – обман,
вздыхая, стелится туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
и в стекла красные стучит.

Умерший друг, сойди ко мне:
мы помечтаем при луне,
пока не станет холодна
кроваво-красная луна.

В часовне житель гробовой
к стеклу прижался головой...
Кроваво-красная луна
уже печальна и бледна...

Ноябрь 1898

Москва

Багряница в терниях

Разлука

1

Мы шли в полях. Атласом мягким рвало
одежды наши в дуновенье пьяном.
На небесах восторженно пылало
всё в золоте лиловом и багряном.

Я волновался страстно и мятежно.
Ты говорил о счастье бытия.
Твои глаза так радостно, так нежно
из-под очков смотрели на меня.

Ты говорил мне: «Будем мы, как боги,
над миром встанем... Нет, мы не умрем».
Смеялись нам лазурные чертоги,
озарены пурпуровым огнем.

Мы возвращались... Ты за стол садился.
Ты вычислял в восторге мировом.

В твоё окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном.

2

Вот отчетливо спит в голубом
контур башни застывший и длинный.
Бой часов об одном
неизменно-старинный.
Так недавно бодрил ты меня,
над моею работой вздыхая,
среди яркого дня
раскаленного мая.

Знал ли я, что железный нас рок
разведет через несколько суток...
Над могилой венки
голубых незабудок.

Не замочит поток долгих лет
мое вечное, тихое горе.
Ты не умер – нет, нет!..
Мы увидимся вскоре.

На заре черных ласточек лёта.
Шум деревьев и грустный, и сладкий.

С легким треском мигнет
огонечек лампадки.

Закивает над нами сирень...
Не смутит нас ни зависть, ни злоба...
И приблизится день —
день восстаний из гроба.

3

За опустевший стол я вновь сажусь.
Тоскуя, думал, думал об одном.
В твоё окно поток червонцев лился,
ложился на пол золотым пятном...

Казалось мне, что ты придёшь из сада
мне рассказать о счастье бытия...
И я шептал: «Тебя, тебя мне надо...
О, помолись! О, не забудь меня!..»

Я вечно жду... Сегодня ты мне снился!..
О жизнь, промчись туманно-грустным сном!»
Я долго ждал... Поток червонцев лился
в твоё окно сияющим пятном.

Могилу их украсили венками.
Вокруг без шапок мы в тоске стояли.
Восторг снегов, крутящийся над нами,
в седую Вечность вихри прогоняли.

Последний взмах бряцавшего кадила.
Последний вздох туманно-снежной бури.
Вершину ель мечтательно склонила
в просвете ослепительной лазури.

1903

Москва

Св. Серафим

Посвящается Нине Петровской

Плачем ли тайно в скорбях,
грудь ли тоскою теснима —
в яснонемых небесах
мы узнаем Серафима.

Чистым атласом пахнёт,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.

«Что с тобой, радость моя, —
радость моя?..»

Смотрит на нас
ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
в снежно-кисейном.

Бледно-лазурный атлас
тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
в уши нам дует:
«Вот ухожу в тихий час...

Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
отблеск лазоревый.

Легче дышать
после таинственных знамений.
Светит его благодать
тучкою алого пламени.

1903

Владимир Соловьев

Посвящается М.С. Соловьеву

Задохлись мы от пошлости привычной.
Ты на простор нас звал.
Казалось им – твой голос необычный
безумно прозвучал.

И вот, когда надорванный угас ты
над подвигом своим,
разнообразные, бессмысленные касты
причли тебя к своим.

В борьбе с рутиною свои потратил силы,
но не разрушил гнет...
Пусть вьюга снежная венки с твоей могилы
с протяжным стоном рвет.

Окончилась метель. Не слышен голос злобы.
Тиха ночная мгла.
Над гробом вьюга белые сугробы
с восторгом намела.

Тебя не поняли... Вон там сквозь сумрак шаткий
пунцовый свет дрожит.
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки

мне сумрак озарит.

1903

Москва

Ожидание

Посвящается СМ. Соловьеву

Как невозвратная мечта,
сверкает золото листа.

Душа полна знакомых дум.
Меж облетающих аллей
призывно-грустный, тихий шум
о близости священных дней.

Восток печальный мглой объят.
Над лесом, полные мечты,
благословенные персты
знакомым заревом стоят.

Туманный, красно-золотой
на нас блеснул вечерний луч
безмирно-огненной струей
из-за осенних, низких туч.

Душе опять чего-то жаль.
Сырым туманом сходит ночь.
Багряный клен, кивая вдаль,
с тоской отсюда рвется прочь.

И снова шум среди аллей
о близости священных дней.

Август 1901

Серебряный Колодезь

Призыв

Памяти М.С. Соловьева

Призывно грустный шум ветров
звучит, как голос откровений.
От покосившихся крестов
на белый снег ложатся тени.

И облако знакомых грез
летит беззвучно с вестью милой.
Блестя сквозь ряд седых берез,
лампада светит над могилой

пунцово-красным огоньком.
Под ослепительной луною
часовня белая, как днем,
горит серебряной главою.

Там... далеко... среди равнин
старинный дуб в тяжелой муке
стоит затерян и один,
как часовой, подъявший руки.

Там, далеко... в полях шумит
и гонит снег ночная выюга...
И мнится – в тишине звучит

давно забытый голос друга...

Старинный дуб порой вздохнет
с каким-то тягостным надрывом...
И затрепещет, и заснет
среди полей глухим порывом.

1903

Москва

Знаю

Посвящается О.М. Соловьевой

Пусть на рассвете туманно
знаю – желанное близко...
Видишь, как тает неожиданно
Образ вдали василиска?
Пусть все тревожно и странно...

Пусть на рассвете туманно
знаю – желанное близко.

Нежен восток побледневший.
Знаешь ли – ночь на исходе?
Слышишь ли – вздох о свободе
вздох ветерка улетевший —
весть о грядущем восходе?

Спит кипарис онемевший.
Знаешь ли – ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Эти мечты золотые,
эти улыбки святые

в сердце вонзаются больно...

Белые к сердцу цветы я
вновь прижимаю невольно.

Август 1901

Возмездие

Посвящается Эллису

1

Пусть вокруг свищет ветер сердитый,
облака проползают у ног.
Я блуждаю в горах, – позабытый,
в тишине замолчавший пророк.

Горький вздох полусонного кедра.
Грустный шепот: «Неси же свой крест...»
Черный бархат истыкан так щедро
бесконечностью огненных звезд.

Великан, запахнувшийся в тучу,
как утес, мне грозитя сквозь мглу.
Я кричу, что осилю все кручи,
не отдам себя в жертву я злу.

2

И всё выше и выше всхожу я.
И всё легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
начинаю протяжно звать.

Се, кричу вдохновенный и дикий:
«Иммануил грядет! С нами Бог!»
Но оттуда, где хаос великий,
раздается озлобленный вздох.

И опять я подкошен кручиной
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.

И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол, над кручей,
раздирая одежды свои.

3

Там... в низинах... ждут с верой денницу.
Жизнь мрачна и печальна, как гроб.
Облеките меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб.

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю – жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю»,
поцелуем смыкает глаза.

Ах, я знаю – среди образов торных
пропадет сиротливой мечтой,
лишь умру, – стая воронов черных,
что кружилась всю жизнь надо мной.

Пригвожденный к кресту, умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: «Я знаю».
Поцелуем смыкает уста.

Черный бархат, усеянный щедро
миллионами огненных звезд.
Сонный вздох одинокого кедра.
Тишина и безлюдье окрест.

Октябрь 1901

Москва

Безумец

Посвящается А.С. Челищеву

1

«Вы шумите. Табачная гарь
дымно-синие стелет волокна.
Золотой мой фонарь
зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
к вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
разрывают, вонзаясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
и тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
в тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
папиросы.

Ах, когда я сижу за столом
и, молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...
О, я полон огня,
предо мною виденья сияют...
Неужели меня
никогда не узнают?..»

2

Помним все. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребенка.
Кто-то пел
звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный муки,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:

«Се дарует нам свет
Искупитель,
я не болен, нет, нет:
я – Спаситель...»

Так сказал, наклонил
он свой лик многодумный...
Я в тоске возопил:
«Он – безумный».

3

Здесь безумец живет.
Среди белых сиреней.
На террасу ведет
ряд ступеней.
За ограду на весь
прогуляться безумец не волен...
Да, ты здесь!
Да, ты болен!

Втихомолку, смешной
кто-то вышел в больничном халате,
сам не свой,
говорит на закате.

Грусть везде...
усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.

Что ты ждешь у реки,
еле слышно колебля
тростники,
горьких песен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?
Всплеск, круги... И, смеясь,
утопает, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
весь измятый, весь алый...
Из больницы служитель бежит
и кричит, торопясь, запоздалый.

Март 1904

Москва

Жертва вечерняя

Стоял я дураком
в венце своем огнистом,
в хитоне золотом,
скрепленном аметистом —
один, один, как столб,
в пустынях удаленных, —
и ждал народных толп
коленопреклоненных...
Я долго, тщетно ждал,
в мечту свою влюбленный...
На западе сиял,
смарагдом окаймленный,
мне палевый привет
потухшей чайной розы.
На мой зажженный свет
пришли степные козы.
На мой призыв завыл
вдали трусливый шакал...
Я светоч уронил
и горестно заплакал:
«Будь проклят, Вельзевул —
лукавый соблазнитель, —
не ты ли мне шепнул,
что новый я Спаситель?..
О проклят, проклят будь!..

Никто меня не слышит...»
Чахоточная грудь
так судорожно дышит.
На западе горит
смарагд бледно-зеленый...
На мраморе ланит
пунцовые пионы...
Как сорванная цепь
жемчужин, льются слезы...

Помчались быстро в степь
испуганные козы.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Мания

Из царских дверей выхожу.
Молитва в лазурных очах.
По красным ступеням схожу
со свечечем в голых руках.
Я знаю безумий напор.
Больной, истеричный мой вид,
тоскующий взор,
смертельная бледность ланит.

Безумные грезы свои
лелеете с дикой любовью,
взглянув на одежды мои,
залитые кровью.

Поете: «Гряди же, гряди».
Я грустно вздыхаю,
бескровные руки мои
на всех возлагаю.

Ну, мальчики, с Богом,
несите зажженные свечи!..
Пусть рогом
народ созывают для встречи.

Ну что ж – на закате холодного дня

целуйте мои онемевшие руки.
Ведите меня
на крестные муки.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Забота

1

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная в сердце забота
бросала то в холод, то в дрожь.

Опять с несказанным волнением
я ждал появления Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпением
старинная эта мечта.
Недавно мне тайно сказали,
что скоро вернется Христос...
Телеги, скрипя, подъезжали...
Поспешно свозили овес.

С гумна возвращался я к дому,
смотря равнодушно на них,
грызя золотую солому,
духовный цитируя стих.

Сегодня раздался вдруг зов,
когда я молился, тоскуя,
среди влажных, вечерних лугов:
«Холодную ночью приду я...»

Всё было в доме зажжено...
Мы в польтах осенних сидели.
Друзья отворили окно...
Поспешно калоши надели.

Смарагдовым светом луна
вдали озаряла избушки.
Призывно раздался с гумна
настойчивый стук колотушки.

«Какие-то люди прошли», —
сказал нам пришедший рабочий.
И вот с фонарями пошли,
воздевши таинственно очи.

Мы вышли на холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес обозленный, цепной
кидался, звеня своей цепью.

Бледнели в руках фонари...
Никто нам в ночи не ответил...
Кровавую ленту зари
встречал пробудившийся петел.

1903

Серебряный Колодезь

Блоку

1

Один, один средь гор. Ищу Тебя
В холодных облаках бреду бесцельно.
Душа моя
скорбит смертельно.

Вонзивши жезл, стою на высоте.
Хоть и смеюсь, а на душе так больно.
Смеюсь мечте
своей неволью.

О, как тяжел венец мой золотой!
Как я устал!.. Но даль пылает.
Во тьме ночной
мой рог взывает.

Я был меж вас. Луч солнца золотил
причудливые тучи в яркой дали.
Я вас будил,
но вы дремали.

Я был меж вас печально-неземной.

Мои слова повсюду раздавались
И надо мной
вы все смеялись.

И я ушел. И я среди вершин.
Один, один. Жду знамений неожиданных.
Один, один
среди бурь туманных.
Всё как в огне. И жду, и жду Тебя.
И руку простираю вновь бесцельно
Душа моя
скорбит смертельно.

Сентябрь 1901
Москва

2

Из-за дальних вершин
показался жених озаренный.
И стоял он один,
высоко над землей вознесенный.

Извещалось не раз
о приходе владыки земного.
И в предутренний час
запылали пророчества снова.

И лишь света поток
над горами вознесся сквозь тучи,
он стоял, как пророк,
в багрянице, свободный, могучий.

Вот идет. И венец
отражает зари свет пунцовый.
Се – венчаный телец,
основатель и Бог жизни новой.

Май 1901

Москва

3

Суждено мне молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Нас зовут
без конца...
Нам пора...
Багряницу несут
и четыре колючих венца.

Весь в огне
и любви
мой предсмертный, блуждающий взор...
О, приблизься ко мне —
распростертый, в крови,
я лежу у подножия гор.

Зашатался над пропастью я
и в долину упал, где поет ручеек.
Тяжкий камень, свистя,
неожиданно сбил меня с ног —
тяжкий камень, свистя,
размозжил мне висок.

Среди ландышей я —
зазявший, кровавый цветок.
Не колышется больше от мук
вдруг застывшая грудь.

Не оставь меня, друг,
не забудь!..

1903

Москва

Одиночество

Посвящается В.С. Соловьеву

Я вновь один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней,
нас звавшие восторженно и нежно,
рассеялись, лишь стало холодней.

Стою один. Отчетливей, ясней
ловлю полет таинственных годин.
Грядущее мятежно.
Стою один.
Тоскую безнадежно.

Не возродить... Что было, то прошло —
все время унесло.
Тому, кто пил из кубка огневого,
не избежать безмолвия ночного.

Недолго. Близится. С питьем идет
ко мне. Стучит костями.

Уста мои кровавый огонь сожжет.
Боюсь огня... вдали, над тополями
двурогий серп вон там горит огнями
среди онемело-мертвенных вершин.

Туман спустился низко.

Один, один,
а смерть так близко.

Сентябрь 1901

Москва

Осень

1

Огромное стекло
в оправе изумрудной
разбито вдребезги под силой ветра чудной —

огромное стекло
в оправе изумрудной.

Печальный друг, довольно слез – молчи!
Как в ужасе застывшая зарница,
луны осенней багряница.

Фатою траурной грачи
несутся – затенили наши лица.
Протяжно дальний визг
окрестность опояшет.
Полынь метлой испуганно нам машет.

И красный лунный диск
в разбитом зеркале, чертя рубины, пляшет.

В небесное стекло
с размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне – небесный свод расколот.

И я стоял,
как вольный сокол.
Беспечно хохотал
среди осыпавшихся стекол.

И что-то страшное мне вдруг
открылось.
И понял я – замкнулся круг,
и сердце билось, билось, билось.

Раздался вздох ветров среди могил: —
«Ведь ты, убийца,
себя убил, —
убийца!»
Себя убил.

За мной пришли. И я стоял,
побитый бурей сокол —
молчал

среди осыпавшихся стекол.

Август 1903

Серебряный Колодезь

Священные дни

Посвящается П.А. Флоренскому

Ибо в те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения.

Марк XIII, 19

Бескровные губы лепечут заклятья.
В рыданье поднять не могу головы я.

Тоска. О, внимайте тоске, мои братья.
Священна она в эти дни роковые.

В окне дерева то грустят о разлуке
на фоне небес неизменно свинцовом,

то ревмя режут о Пришествии Новом,
простерши свои суховатые руки.

Порывы метели суровы и резки.
Ужасная тайна в душе шевелится.

Задерни, мой брат, у окна занавески:
а то будто Вечность в окошко глядится.

О, спой мне, товарищ! Гитара рыдает.

Прекрасны напевы мелодии страстной.

Я песне внимаю в надежде напрасной...
А там... за стеной... тот же голос зовет.

Не раз занавеска в ночи колыбалась
Я снова охвачен напевом суровым,

Напевом веков о Пришествии Новом...
И Вечность в окошко грозой застучалась

Куда нам девать свою немощь, о братья?
Куда нас порывы влекут буревые?

Бескровные губы лепечут заклятья.
Священна тоска в эти дни роковые.

1901

На закате

Бледно-красный, весенний закат догорел.
Искрометной росой блистала трава
На тебя я так грустно смотрел.
Говорил неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось – твой тающий взор
видел призрак далекой зимы.

Замолчала... А там степь цвела красотой.
Все, синее, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне: «Призрак... обман...»
Я поник головой. Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
я люблю в эти серые дни?

Апрель 1901

Москва

Подражание Вл. Соловьеву

Тучек янтарных гряда золотая
в небе застыла, и дня не вернуть.
Ты настрадалась: усни, дорогая...
Вечер спустился. В тумане наш путь.

Пламенем желтым сквозь ветви магнолий
ярко пылает священный обет.
Тают в душе многолетние боли,
точно звезды пролетающий след.
Горе далекою тучею бурной
к утру надвинется. Ветром пахнет.
Отблеск зарницы лилово-пурпурной
вспыхнет на небе и грустно заснет.

Здесь отдохнем мы. Луна огневая
не озарит наш затерянный путь.
Ты настрадалась, моя дорогая,
Вечер спускается. Время уснуть.

1902

Москва

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибор.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное возшло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902

Москва

Ясновидение

Милая, – знаешь ли – вновь
видел тебя я во сне?..
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалась мне.

Где-то в далеких лугах
ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах
Ты замечталась во сне.

Ты улыбалась, любя,
помня о нашей весне
Благословляя тебя,
был я весь день как во сне.

Май 1902

Москва

Мои слова

Мои слова – жемчужный водомет,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспененный,
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий, —
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь – призывно-грустный звон,
что зазвучит и улетит куда-то, —
неясно-милый сон,
уж виданный когда-то.

Май 1901

Серебряный Колодезь

С.М. Соловьеву

Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть холодная вьюга бунтует —
Мы храним наши белые сны.
Нам не страшно злое око
великана из туч буревых.
Ах, восстанут из тьмы два пророка.
Дрогнет мир от речей огневых.
И на северных бедных равнинах
разлетится их клич боевой
о грядущих, священных годинах,
о последней борьбе мировой.
Сердце вещее радостно чует
призрак близкой, священной войны.
Пусть февральская вьюга бунтует —
мы храним наши белые сны.

Февраль 1901

Москва

Раздумье

Посвящается памяти Вл. С. Соловьева

Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревями шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами...
за мной!..»

И не знаешь, кто там.
И стоишь, одиноко.
И боишься довериться радостным снам.
И с надеждой следишь, как алеет восток.

В поле зов: «Близок день.
В смелых грезах сгори!»
Убегает на запад неверная тень.
И все ближе, все ярче сиянье зари.

Дерева шелестят:
«То не сон, не обман...»
Потухая, вверху робко звезды блещут...
И взывает пророк, проходя сквозь туман.

Февраль 1901

Пепел

Посвящаю эту книгу памяти Некрасова

*Что ни год – уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди,
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым неслышно кипенья
Человеческой крови и слез.*

Н.А. Некрасов

Вместо предисловия

Да, и жемчужные зори, и кабаки, и буржуазная келья, и надзвездная высота, и страдания пролетария – все это объекты художественного творчества. Жемчужная заря не выше кабака, потому что и то и другое в художественном изображении – символы некоей реальности: фантастика, быт, тенденция, философическое размышление predeterminedены в

искусстве живым отношением художника. И потому-то *действительность* всегда выше искусства; и потому-то художник – прежде всего *человек*. Но чтобы жизнь была действительностью, а не хаосом синематографических ассоциаций, чтобы жизнь была жизнью, а не прозябанием, необходимо служение вечным ценностям, такими ценностями могут быть и идеальные стремления нашего духа, и неизменность в переживании факторов реального бытия – и заря, и келья – символы ценностей, если художник вкладывает в них свою душу; то, что создает из случайного переживания, мысли или конкретного факта ценность, есть долг. Основные ценности не могут меняться, меняется форма их: идти к этим ценностям – долг человека, а потому и художника. Долг пуст и формален, взятый безотносительно к жизни; жизнь хаотична и бессмысленна, не оформленная определенным волевым устремлением, соединение долга с жизнью – вот ценность. Своеобразное соединение художественного переживания (объект этого переживания безразличен) с внутренним велением долга определяет путь художника, создает из него символиста: *художник всегда символист; символ всегда реален* (в каких бы образах ни выражался он); символизм – всегда есть показатель того, что формой образа художник указывает нам на свой сокровенный, незыблемый путь; эзотеризм присущ искусству: под маской (эстетической формой) таится указание на то, что самое искусство есть один из путей достижения высших целей. В высочайшей тайне своей,

укрытой под эстетикой, художник *опять, вторично* возвращается к людям; и потому-то в заявлении художника о своем праве быть свободным кроется огромная тяжесть ответственности; и если он восстает против той или иной формы символизации ценностей, то вовсе не потому, что не верит в ценности, художник может нам казаться кощунственным, когда он называет идолами наших богов; но если он назовет идолом и свое божество, то «*последнее кощунство*» ему не простится; тут он перестает быть человеком, тут он не символист, не реален он. Тут мы ему не прощаем, потому что «*не во имя свое*» мы приближаемся к нему, «*не во имя свое*» он зовет нас: нас соединяет с ним общий путь, общий долг, как *людей*.

Теперь, когда понятие о свободе и долге, искусстве и жизни, молитве и кощунстве, символизме и реализме, заре и кабаке перепутались, я считаю нужным сказать эти простые слова о том, что я требую от искусства, чего жду от художника и как понимаю символизм.

В предлагаемом сборнике собраны скромные, незатейливые стихи, объединенные в циклы; циклы, в свою очередь, связаны в одно целое: целое – беспредметное пространство, и в нем оскудевающий центр России. Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину; и потому-то картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками – живой символ разру-

шения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры. Лейтмотив сборника определяет невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию (пространство давит, беспредметность страшит – вырастают марева: горе-гореваньице, осинка, бурьян и т. д.). Спешу оговориться: преобладание мрачных тонов в предлагаемой книге над светлыми вовсе не свидетельствует о том, что автор – пессимист.

В свой сборник я поместил до 40 еще не напечатанных стихотворений, а также до 20 стихотворений, значительно переработанных с точки зрения основного лейтмотива, как то: «*Поповна*», «*Телеграфист*», «*Бурьян*», «*Каторжник*», «*Осинка*» и многие другие.

Сюда не вошли почти все стихотворения 1907 года, а также ряд стихотворений 1908 года, как не согласные с идеей сборника.

Считаю нужным заметить, что в «Пепле» собраны наиболее доступные по простоте произведения мои, долженствующие составить подготовительную ступень к «*Симфониям*», и что смысл моих переживаний в данной книге периферичен по отношению к «*Симфониям*», особенно к «*Кубку Метелей*», единственной книге, которой я более или менее доволен и для которой надо быть немного «*эзотериком*». Брань, которой встретила критика мою книгу, и непонимание ее со стороны лиц, сочувствовавших доселе моей литературной

деятельности, – все это укрепляет меня в мысли, что оценка этого произведения (окончательное осуждение или признание) в будущем, судить можно то, что понимаешь, а наиболее сокровенные символы души требуют вдумчивого отношения со стороны критиков; неудивительно, что произведение, выношенное годами, они встретили только как забавный парадокс.

Автор

Россия

Отчаянье

З.Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Деревня

Г.А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы – глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,

И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце Оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.
За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмоеся лоскут.
Здесь встречаются дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь – немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцают в синей бездне —
Продрожит – алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908

Серебряный Колодезь

Шоссе

Д.В. Философова

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит – убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груди дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Август 1904

Ефремов

На вольном просторе

Муни
Здравствуй, —
Желанная
Воля —
Свободная,
Воля
Победная,
Даль осиянная, —
Холодная,
Бледная.

Ветер проносится, желтые травы колебля, —
Цветики поздние, белые.
Пал на холодную землю.

Странны размахи упругого стебля,
Вольные, смелые.
Шелесту внемлю.
Тише...
Довольно:
Цветики
Поздние, бледные, белые,
Цветики,
Тише...
Я плачу: мне больно.

Август 1904

Серебряный Колодезь

На рельсах

Кублицкой-Пиоттух

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век провлачу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился – молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой овлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

1908

Москва

Из окна вагона

Элису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают – вон там и вон здесь —
Пролетают – за селами села,
Пролетает – за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,

Засыпающий там у груди: —
Там – убогие стаи избенок,
Там – убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные
Телеграфная тянется сеть —
Там – в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

Август 1908

Суйда

Телеграфист

С.Н. Величкину

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, —

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.

Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях – то и се.

Жена болеет боком,
А тут – не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый,
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснувший закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...

Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях – то и се.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять: —

На двадцать пять целковых —
Одежа, стол, жильё.
В краях сырых, суровых
Тянись, житьё мое! —

Вновь дали мерит взором: —
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клен промоет —
Промоет у окна.
Домой бы! Дома ноет,
Без дел сидит жена, —

В который раз, в который,
С надутым животом!..
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клопочут светом окна —
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.
Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек... —

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Слезую взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству – изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавиш бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак —
Он видит – семафора
Взлетает красный знак.

Вздыхая, спину клонит,
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном

Пространство, время, Бога
И жизнь, и жизни цель —
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.

В кисейно-нежной шали
Девушка средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906–1908

Серебряный Колодезь

В вагоне

З.Н. Гиппиус

Жандарма потеряя форма,
Носильщики, слезы. Свисток —
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, раздольное поле
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле —
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли – промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность
Летит: и летит – и летит.
Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах – шмели искряные
Пронесятся в красных роях,
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся – в окне суетня:
Платформа – и толстая дама
Картонками душит меня.

Котомки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

Август 1905

Ефремове

Станция

Г.А. Рачишскому

Вокзал: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Кольшет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж, —
Кокетливо закрутит
Изящный сак-воляж.

А там: – сквозь кустик мелкий
Бредет он большаком².
Мигают злые стрелки
Зеленым глазком.

---

² Большая дорога.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти: —
Склонись над паровозом
На рельсовом пути!

Никто ему не внемлет.
Нигде не сыщет корм.
Вон: – станция подьемлет
Огни своих платформ.

Выходят из столовой
На волю погулять.
Прильни из мглы свинцовой
Им в окна продрожать!

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

Туда, туда – далеко,
Уходит полотно,
Где в ночь сверкнуло око,
Где пусто и темно.

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий

Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прынул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хряснувшим костям —

Туда, туда – далеко
Уходит полотно:
Там в ночь сверкнуло око,
Там пусто и темно.
А всё: в огнях буфета
Старик почтенных лет
Над жареной котлетой
Кольшет эполет.

А всё: – Среди лакеев,
С сигары армянин
Пуховый пепел свеяв, —
Глокает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

1908

Серебряный Колодезь

Каторжник

Н.И. Русову

Бежал. Распростился с конвоем
В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах —
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.
Железные обручи звоном
Упали над склоном речным:
Пропели над склоном зеленым —
Гремели рыданьем родным.

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог.

Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу – за слепым частоколом —
Качался, поблескивал штык;

Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала-кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегом – берегом, ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клекотавшей пурге,
И едко там стужа стальная

Сжигала ветрами в тайге,

Одежду в клочки изрывая,
Треща и плеща по кустам, —
Визжа и виясь – обвивая, —
Прошелкав по бритым щекам,

Где до крови в холоде мгlistом,
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич,

К спине прилипая и кожи
Срывая сырые куски...
И тучи нахмурились строже.
И строже запели пески.

Разбитые плечи доселе
Изъел ты, свинцовый рубец.
Раздвиньтесь же, хмурые ели!
Погасни, вечерний багрец!

Вот гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом,
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.

Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.

Промчался по кручам отвесным,
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная
Осыпалась желтым песком.

Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Там искры, провеяв устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;
Да горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.

Там темень протопала скоком,
Да с рябью играл ветерок.
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.
Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906–1908

Серебряный Колодезь

Вечерком

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракиг.

Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечерком, —

В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут;
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;

Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Истари летит.

Тенью бархатной и черной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зерна;
Шукнет – не поймешь:
Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце: – меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью ракиг.

Протопорщился избенок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

1908

Ефремов

Бурьян

Г.Г. Шнеты

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.

И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости – тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит —

Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там: – из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

Вон там: – его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон: – колкие руки подъемлет
Обсвищенный ветром бурьян.
Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони.
Целю я, целуя-милуя,
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;

И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь в откос.

Здесь буду тебя я царапать, —
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

Задушит – затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

Метется за ним до деревни,
Ликует – танцует репье:
Прошьет, прогуляет в харчевне
Растиртое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод – ужотко;

Тюрьма да сума – впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1905–1908

Ефремов

Арестанты

В.П. Поливанову

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь – в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза:
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.

Заковали ноги нам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.

Коротал я время сном
В желтых клубах душиной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором
Распевали вечерком
Хором.

Здесь, на воле, меж степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем: отдохнем —
Здесь, в волнах седой ковыли.

1904

Серебряный Колодезь

Веселье на Руси

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —

Я.

Д'наплясался —

Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок

Повалили на лужок.

Эх —

Людям грех!

Эх – курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —

Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,

Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,

Да по дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:

Дунуть, плюнуть – наплевать:

Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет —
– Дьякон, дьякон —
Рясой машет —
– Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?

– «Что такое? То и это:
Носом – в лужу, пяткой – в твердь...»
.....

Раскидалась в ветре, – пляшет —
Полевая жердь: —

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовую волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906

Серебряный Колодезь

Осинка

Л.М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.
Присел под осинкой
Бобыль-сиротинка.
«Сломи меня в корне», —
Осинка лепечет листовая —
Лепечет
Ветром пьяная —

Над откосами
В ветре виснет;
Слезными росами
Праздно прыснет —
— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.
Осинка – кружев узорней —
Лепечет
В лес, в холод небес,
В холод горний —
— «Сломи меня в корне», —

Осинка лепечет.
Листики пламенные
Мечет
В провалы каменные, —
Всё злей, всё упорней
— «Сломи меня в корне», —

Лепечет:
Бормочет
В сердитой сырости,
Листами трескочет:

«Свой посох
Скорей —
Багрецом перевитый,
Свой посох —

Скорее
Сломи ты: —

Твой посох
В серебре
Да в серебряных росах.

Твой посох
Тебе не изменит. —
Врагов одорожных в пространство
Размечет —
От пьянства
Излечит».

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть
Над склоном зеленым.

Согнется поклоном, —
И хочет
Его молодая осинка
Слезами своими окапать.

И срезал осинку
Да с ней и пошел в путь-дороженьку —

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Ко святым местам —

Славит господа-боженьку.

«Господи-боженька,
Мой посох
Во слезах —
Во серебряных росах.
Ныне, убоженький,
С откосов
В пустыни
Воздвигаю свой посох.

Господи-боженька,
Ныне сим посохом
Окропляю пространства:
Одеваю пространства:
В золотые убранства —

Излечи меня от пьянства!

В путь-дороженьку
Уносите меня, ноженьки, —

По полям, по кустам
Ко святым местам».

3

Привели сиротинку кривые
Ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку сухие
Ветви
В места лихие.

– «Замолю здесь грехи я»,

Зашел в кабачишко —
Увязали бутылъ
С огневицею —
С прелюбезной сестрицею.

Курил табачишко.
Под вышкой песчаной
Склонил нос багряный
В пыль.
Бобыль —
Пьяница!

У бобыля нос —
Румянится!

– «Ты скажи мне, былиночка,
Как величают места сии?»

Отвечала былиночка:

«Места сии —
Места лихие,
Песчаные:
Здесь шатаются пьяные —

Места лихие
Зеленого Змия».

– «Замолю здесь грехи я!»

4

Плыла из оврага
Вечерняя мгла;
И, булькая, влага
Его обожгла.

Картуз на затылок надвинул,

Лаптями взвевая ленивую пыль.
Лицо запрокинул,
К губам прижимая бутылъ.

Шатался детина —
Шатался дорогой кривой;
Вскипела равнина
И взвеела прах над его головой;

Кивала кручина
Полынной метлой; —
Подсвистнула ей хворостина
В руках багряневшей листвою:
«Ты – мой, сиротина,
Ты – мой!»

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля —

Кружится,
Пляшет
Вокруг бобыля:

«Бобыль —
Пьяница:
У бобыля —
Нос румянится» —

Кружится,
Пляшет, —

Руками своими
Сухими,
Колючими машет.

На смех тучам —
Шутам полевым и шутихам —
Пляшет
По кручам!

Гой еси, широкие поля!
Гой еси, всяя Руси поля! —
Не поминайте лихом
Бобыля!

1906

Дедово

Песенка комаринская

Шел калика, шел неведомой дороженькой: —
Тень ползучую бросал своею ноженькой.

Протянулись страны хмурые, мордовские —

Нападали силы-прелести бесовские.

Приключилось тут с каликою мудренное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.

Тень возговорит калике гласом велием:
«Отпусти меня, калика, со веселием.

Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдуся себе повадочкою темною».

Да и втапору калику опрокидывала;
Кафтанишко свой по воздуху раскидывала.

Кулаками-тумаками бьет лежачего —
Вырастает выше облака ходячего.

Над расейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский кольями.

Мужикам, дьякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Сморчком-Сморчовичем.

А и речи ее дерзкие, бесовские:
«Заведу у вас порядки не таковские;

Буду водочкой опаивать-угащивать:
Свое брюхо на напастях отращивать.

Мужичище-кулачище я почтеннейший:
Подпираюсь я дубиной здоровеннейшей!»

Темным вихорем уносит подорожного
Со пути его прямого да не ложного.
Засигает он в кабак кривой дорожкой;
Загудорит, засвистит своей гармошкой:

«Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак.

Ай люли-люли люли-люли-люли:
Кабаки-то по всея Руси пошли!..»

А и жизнь случилась втапору дурацкая:
Только ругань непристойная, кабацкая.

Кабаки огнем моргают ночью долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою.

То и свет, родимый, видеть нам прохожего —
Видеть старого калику перехожего.

Всё-то он гудорит, всё-то сказы сказывает,
Всё-то посохом, сердешный, вдаль указывает:

На житье-бытье-де горькое да оховое

Нападало тенью чучело гороховое.

Июнь 1907

Петровское

На скате

Я всё узнал. На скате ждал.
Внимал: и всхлипнула осинка.
Под мертвым верхом пробежал
Он подовражною тропинкой.

Над головой седой простер
Кремня зубчатого осколок.
Но, побледнев, поймав мой взор,
Он задрожал: пропал меж елок.
Песок колючий и сухой —
Взвивается волной и стонет.
На грудь бурьян, кривой, лихой,
Свой поздний пух – на грудь уронит.

Тоску любви, любовных дней —
Тоску рассей: рассейся, ревность!
Здесь меж камней, меж зеленой
Пространств тысячелетних древность.

Прозябли чахлою травой
Многоребенчатые скаты.

Над ними облак дымовой,
Ворча, встает, как дед косматый.

В полях плывет, тенит, кропит
И под собою даль означит.
На бледной тверди продымит.
Уходит вдаль – дымит и плачет.

Август 1906

Серебряный Колодезь

ПУСТЫНЯ

В.Ф. Эрцу

Укройся
В пустыне:
Ни зноя,
Ни стужи зимней
Не бойся
Отныне.

О, ток холодный,
Скажи,
Скажи мне —
Куда уносишь?

О брег межи

Пучок
Бесплодный
Колосьев бросишь.

Туда ль, в безмерный
Покой пустынь?
Душа, от скверны, —
Душа – остынь!

И смерти зерна
Покорно
Из сердца вынь.

– А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит...

Эфир; в эфир —
Эфирная дорога.
И вот —

Зари порфирная стезя
Сечет
Сафир сафирного
Чертога.

В пустыне —
Мгла. И ныне
Славит Бога
Душа моя!

Остынь, —
Страстей рабыня, —
Остынь,
Душа моя!

Струи эфир,
Эфирная пустыня!
Влеки меня,
Сафирная стезя!

– А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит... —

1907

Серебряный Колодезь

Горе

Солнце тонет.

Ветер: – стонет,
Веет, гонит
Мглу.

У околицы,
Пробираясь к селу,
Паренек вздыхает, молится
На мглу.

Паренек уходит во скитаньице;
Белы руки сложит на груди:

«Мое горе, —
Горе-гореваньице:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!»

Красное садится, злое око.
Горе гложет
Грудь,
И путь —
Далекий.

Белы руки сложит
На груди:
И не может
Никуда идти:

«Ты за мною,
Горе,
Не ходи».
Солнце тонет.
Ветер стонет,
Ветер мглу
Гонит.

За избеночкой избеночка.
Парень бродит
По селу.
Речь заводит
Криворотый мужичоночка:

«К нам —
В хаты наши!
Дам —
Щей да каши...»

– «Оставь:
Я в Воронеж».
– «Не ходи:
В реке утонешь».

– «Оставь:
Я в Киев».
– «Заходи —
В хату мою:
До зеленых змиев

Напою».

– «Оставь:

Я в столицу».

– «Придешь в столицу:

Попадешь на виселицу...»

Цифрами оскалились версты полосатые,
Жалят ноги путника камни гребенчатые.
Ходят тучи по небу, старые-косматые.
Порют тело белое палки суковатые.

Дорога далека: —

Бежит века.

За ним горе

Гонится топотом.

«Пропади ты, горе,

Пропадом».

Бежит на воле:

Холмы, избенки,

Кустарник тонкий

Да поле.

Распылалось в небе зарево.

Как из сырости

Да из марева
Горю горькому не вырасти!

Январь 1906

Москва

Русь

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.
Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали

В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908

Серебряный Колодезь

Родина

В.П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле – неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей

Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.
Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908

Москва

Древняя

Купец

Прогуляй со мною лето:
Я тебе, дружок,
Канареечного цвета
Заколю платок.

Коль отдашь тугие косы
Мне на ночь одну, —
Сапожки на ноги босы
Сам я натяну.

Коли нонче за целковый
Груди заголишь, —
Под завесою шелковой
Ночь со мной поспишь, —

Так ужо из крепких бревен
Сколочу наш дом,
Так ужо с села поповен
В гости призовем.

Ты сумей меня растрогать:

Я – купец богат —
Сею лен, скупаю деготь
И смолю канат.

Борода моя – лопата,
Волосата грудь.
Не гоняюсь за богатой:
Ты моею будь.
Плачет девка, ручки сложит:
«Не томи меня».
Без него прожить не может
Ни едина дня.

Он – высокий, чернобровый,
Статный паренек,
За целковый ей ковровый
Подарил платок.

1908

Серебряный Колодезь

Свидание

Сергею Соловьеву

Ряд соломой крытых хижин
Встал со всех сторон.
Под одну, неподвижен,

Притаился он.

Над сквозным зеленым роем
Лепет льющих лоз.
Вьет и моет дымным зноем
Рой сквозных стрекоз.

Средь горшков, помой, корытец
Роет землю хряк³.
Уж алеет алый ситец
Там в дверной косяк.

Рдеет россыпь кос размытых,
Позументов блеск,
Бирюзовых глаз, насытых,
Бирюзовый всплеск.

Средь развешанных лохмотьев
Топчут ноги грязь.
Горсть провевянных хоботьев
Сыплет в коновязь.

Груди матовым опалом
Дышат из монист.
Под плетнем – навесцем малым
Молодецкий свист.

Тает трепет слов медовых

---

³ Боров.

В трепетных устах —
В бледно-розовых, в вишневых,
В сладких лепестках.

Под соломенный навесец
Листья льет лоза;
И подьмлет тонкий месяц
Неба бирюза.

1908

Серебряный Колодезь

Стар

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

И целует, и милует
Девку паренек.
На лужок летит и дует, —
Дышит: ветерок,

Стелет травные атласы.
Не отходит прочь
Старичище седовласый:
«Сердце, не морочь!»

Парень девичий упругий
Обнимает стан.
Перешুকнется в испуге
С лебедой бурьян.

Выглянут лихие очи
Из-под камня; вновь
Выглянет грозней, жесточе
Сдвинутая бровь.

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетают девка в косы
Цветик полевой.

Парень девичий упругий
Оплетает стан.
Перешুকнется в испуге
С лебедой бурьян.

Отуманен, в сердце ранен,
Стар отходит прочь,
Пал на камень бездыханен:
«Ты пролейся, ночь!»

Борода моя – лопата;
Стар купчина я.
Всё – мое: серебро и золото.

Люба – не моя!

И богатство мне – порука ль?»
Ветр летит с реки;
А вокруг танцует куколь,
Плещут васильки.

Тяжело дыша от зноя,
Сел в густую рожь:
«Отточу-точу ужо я, —
Отточу я нож».

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой: —
Улыбнется, рассмеется.
Жаворонок – там —
Как взовьется, изольется
Песню к небесам.

Знойный ток и жжет, и жарит.
Парит: быть грозе.
Тучей встав, она ударит
Молнией в бирюзе.

Светоч бешено багровый
Грохнет, тучи взрыв: —
С кручи куст многовенцовый

Хряснет под обрыв.

1908

Серебряный Колодезь

На откосе

Вот прошел леса и доли.
Подо мной откос.
На реке огонь веселый
Блещет с дальних кос.

В зеленях меж гнезд и норок
Протоптал я стезь.
Берегись ты, лютый враг,
Берегись, я – здесь.

Близок час: падешь в крови ты
На груди земли,
Здесь падешь, ножом пробитый.
(Ай, люли-люли!)

Ты не бейся, сердце-знахарь.
(Ай, люли-люли!)
За сохой плетется пахарь
Там вдали, вдали.
Отнесу тебя, сердешный,
В прибережный ров.

Будут дни: смиренный, грешный,
Поплетусь в Саров.

День пройдет: вечер на воле!
Лягу под лопух.
Не усну от горькой боли
Да от черных мух.

1906

Москва

Предчувствие

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним – поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала: —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.
Миловались вы, любились
С девкою надысь —

В колокольчиках, в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.
Что ж ты вдруг поник тосливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках – огни.
Паренек, сверни – сверни же,
Паренек, сверни!

1908
Суйда

Убийство

Здравствуй, брат! За око око.
Вспомни: кровь за кровь.
Мы одни. Жилье далеко.
Ей, не прекословь!

Как над этой над лужайкой
Кровь пролью твою...
Забавляюсь балалайкой,
Песенки пою.

Веселей ходите, ноги,
Лейся, говор струн!
Где-то там – в пологом логое —
Фыркает табун.

Где-то там – на скате – тройка
В отходящий день
Колокольцем всхлипнет бойко:
Тень-терень-терень!..

Протеренькай, протеренькай
Прямо на закат!
Покалякаем маленько
Мы с тобою, брат.
Отстегни-ка ворот пестрый:
К делу – что там ждать!
И всадил я ножик вострый
В грудь по рукоять.

Красною струею прыснул
Красной крови ток.
Ножик хряснул, ножик свистнул
В грудь, в живот и в бок.

Покрывая хрип проклятий,
В бархатную новь
Из-под красной рукояти
Пеной свищет кровь.

Осыпаясь прахом, склоны
Тихо шелестят;
Галки, вороны, вороны
Стаей налетят.

Неподвижные, как стекла,
Очи расклют.
Там – вдали, над нивой блеклой,
Там – вдали: поют.

С богом, в путь! Прости навеки!
Ну, не обессудь.
Я бегу, смеживши веки.
Ветер свищет в грудь.

К ясным девкам, к верным любам
Не придет авось, —
Как его стальным я зубом
Просадил насквозь.

1908

Серебряный Колодезь

Бегство

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.

Девкам в платьицах узорных
Песнь сыграю я.
Вот на соснах – соснах черных —
Пляшет тень моя.

Как ты бьешься, как ты стонешь
Вижу, слышу я.
Скоро, друг сердечный, стонишь
Стаю воронья.

Веют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки —
Прямо на закат.

Ей, быстрее! И в душном дыме
Вижу – городок.
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

1906

Москва

В городке

Руки в боки: ей, лебедки,
Вам плясать пора.
Наливай в стакан мне водки —
Приголубь, сестра!
Где-то там рыдает звуком,
Где-то там – орган.
Подавай селедку с луком,
Расшнуруй свой стан.
Ты не бойся – не израню:
Дай себя обнять.
Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.

За целковым я целковый
В час один спущу,
Как в семейный, как в рублевый
Номер затащу.

Ты, чтоб не было обмана,
Оголись, дружок.
В шайку медную из крана
Брызнет кипяток.

За мое серебро и золото
Мне не прекословь: —
На груди моей косматой
Смой мочалом кровь.

Растрепи ты веник колок,
Кипяток размывь.
Искусает едкий щелок,
Смоет кровь и пыль.

Обливай кипящим пылом.
Начисто скреби
Спину, грудь казанским мылом:
Полюби – люби!

Я девчоночку другую —
Не тебя – люблю,
Но обновку дорогую
Для тебя куплю.

Хошь я черный вор-мерзавец, —
Об заклад побьюсь,
Что на вас, моих красавиц,
В ночь раскошелюсь.

Ей, откуда, ей – узнай-ка,
Заявился я?
Трынды-трынды, балалайка,

Трыкалка моя!

По крутым речным излукам
Пролетит туман...
Где-то там рыдает звуком —
Где-то там – орган.

1908

Серебряный Колодезь

В деревне

Ходят плечи, ходят трясом,
Стонет в ночь она, —
Прошущукнет поздним класом
Стебель у окна.

«Ты померкни, свет постылый,—
В вечный темень сгинь!
Нет, не встанет из могилы
Сокол мой: аминь!

Как проходят дни за днями.
Палец жжет кольцо».
Мухи черными роями
Плещут ей в лицо.

Прошущукнет поздним класом

Стебель у окна.
Ходят плечи, ходят трясом, —
Стонет в ночь она.

Стар садится под оконцем
Любу обнимать:
«Задарю тебя червонцем, —
Дай с тобой поспать!»

Но в оправе серебрёной
Стукнул грозен перст.
«Сгинь», – и молоньей зеленой
Небосвод отверст.

«Ты, обитель, богомольца
В скит принять сумеи!»
Но, взвивая блеском кольца,
Прыщет в небо змей.

1907

Москва

Виселица

Жизнь свою вином расслабил
Я на склоне лет.
Сколько бил и что я грабил,
Не упомяну – нет.

Под железной под решеткой
Вовсе не уснуть.
Как придут они ужотко
Узел затянуть.

Как там столб дубовый нонче
Врыли в лыс бугор.
Заливайся, песня, звонче!
Вдаль лети же, взор!

Все не верю – не поверю...
Поздно: срок истек;
И шаги, – шаги у двери;
Заскрипел замок.

Офицер кричит конвойным:
«Сабли наголо!»
И полдневным солнцем, знойным,
Темя обожгло.

Привели. Сухою пылью
Ветер в выси взвил.
Золотой епитрахилью
Поп меня накрыл.

Вот сурово мне холодный
Под нос тычут крест.
Сколько раз я шел, свободный,

Ширью этих мест.

Сколько раз встречал, как зверь, я
В логе белый день,
Прошибал со свистом перья
Меткий мой кремень —

Скольким, скольким певчим птицам.
Вкруг окрестных сел
Скольким, скольким молодежи
Вскидывал подол.

Закрутили петлю ловко.
Леденеет кровь.
Перекинулась веревка.
«Ей, не прекословь!»

Под ногой – сухие корни,
А под носом – смерть.
Выше, виселица, вздерни
В голубую твердь!

Подвели: зажмурюсь, нет ли —
Думать поотвык.
Вот и высунул из петли
Красный свой язык.

1908

Серебряный Колодезь

С ВЫСОТЫ

Руки рвут раскрытый ворот,
Через строй солдат
Что глядишь в полдневный город,
Отходящий брат?

В высь стреляют бриллиантом
Там церковей кресты.
Там кутил когда-то франтом
С ней в трахтире ты.

Черные, густые клубы
К вольным небесам
Фабрик каменные трубы
Изрыгают там.

Там несется издалека,
Как в былые дни —
«Распрямись ты, рожь висока,
Тайну сохрани».

Вольный ветер гудит с востока.
Ты и нем, и глух.
Изумрудом плещут в око
Злые горсти мух.

1908

Серебряный Колодезь

Паутина

Калека

Там мне кричат издалека,
Что нос мой – длинный, взор – суровый,
Что я похож на паука
И страшен мой костыль дубовый,
Что мне не избежать судьбы,
Что злость в моем потухшем взгляде,
Что безобразные горбы
Торчат и спереди, и сзади...
Так глухо надо мной в дупло
Постукивает дятел пестрый...
Глаза – как ночь; как воск – чело;
На сердце – яд отравы острый;
Угрозою кривится рот;
В ресницах стекленеют слезы...

С зарей проносится и гнет
Едва зеленые березы
Едва запевший ветерок
И кружится на перекрестках,
И плещется там мотылек
На кружевных, сребристых блестках

В косматых лапах паука;
Моя дрожащая рука
Протянется и рвет тенета...
В душе – весенняя тоска:
Душа припоминает что-то.

Подглядываю в мягких мхах,
Весь в лиственном, в прозрачном пухе,
Ребенок в голубых цветах
Там крылья обрывает мухе, —
И тянется к нему костыль,
И вскрикивает он невольно,
И в зацветающую пыль
Спасается – мне стыдно, больно: —
Спасается, в кулак свистя,
И забирается в валежник.

Я вновь один. Срываю я
Мой нежный, голубой подснежник, —

А вслед летят издалека
Трусливые и злые речи,
Что я похож на паука
И что костыль мне вздернул плечи,
Что тихая моя жена,
Потупившись, им рассказала,
Когда над цветником она,
Безропотная, умирала,
Как в мраке неживом, ночном

Над старым мужем – пауком —
Там плакала в опочивальне,
Как изнывала день за днем,
Как становилась всё печальней; —
Как безобразные горбы
С ней на постель ложились рядом,
Как, не снеся своей судьбы,
Утаивала склянку с ядом,
И вот...

Так медленно бреду.
Трещат и плакают стрекозы
Хрустальные – там, на пруду.
В ресницах стекленеют слезы;
Душа потрясена моя.
Похрустывает в ночь валежник.

Я вновь один. Срываю я
Цветок единственный, подснежник.

1908

Москва

Весенняя грусть

Одна сию меж вешних верб.
Грустна, бледна: сию в кручине.
Над головой снеговой серп

Повис, грустя, в пустыне синей.

А были дни: далекий друг,
В заросшем парке мы бродили.
Молчал: но пальцы нежных рук,
Дрожа, сжимали стебли лилий.

Молчали мы. На склоне дня
Рыдал рояль в старинном доме.
На склоне дня ты вел меня,
Отдавшись ласковой истоме,

В зеленоватый полусвет
Прозрачно зыблемых акаций,
Где на дорожке силуэт
Обозначался белых граций.

Теней неверная игра
Под ним пестрила цоколь твердый.
В бассейны ленты серебра
Бросали мраморные морды.

Как снег бледна, меж тонких верб
Одна сию. Брожу в кручине.
Одна гляжу, как вешний серп
Летит, блестит в пустыне синей.

Март 1905

Москва

Предчувствие

Чего мне, одинокой, ждать?
От радостей душа отвыкла...
И бледная старушка мать
В воздушном капоре поникла, —
У вырезанных в синь листов
Завившегося винограда...
Поскрипывающих шагов
Из глубины немого сада

Шуршание: в тени аллеи
Урод на костылях, с горбами,
У задрожавших тополей,
Переливающих листьями,

Подсматривает всё за мной,
Хихикает там незаметно...
Я руки к выси ледяной
Заламываю безответно.

1906

Москва

Паук

Нет, буду жить – и буду пить
Весны благоуханной запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.
Пусть на войне и стон, и крик,

И дым пороховой – пусть едок: —
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.
Пусть веточка росой блеснет;
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна...
Один. Склонился на костыль.
И страстного лобзанья просит
Душа моя...

И ветер пыль
В холодное пространство бросит, —
В лазуревых просторах носит.
И вижу: —
Ты бежишь в цветах
Под мраморную, старой аркой
В пурпуровых своих шелках
И в шляпе с кисеею яркой.
Ты вот: застенчиво мила,
Склоняешься в мой лед и холод;
Ты не невестой мне цвела:
Жених твой и красив, и молод.

Дитя, о улыбнись, – дитя!
Вот рук – благоуханных лилий —
Браслеты бледные, – блестя,
Снопы лучей озолотили.
Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы, —
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
Ты вскрикиваешь, шепчешь мне:
«Там, где ветвей скрестились дуги,
Смотри, – крестовик в вышине
Повис на серебристом круге...»
Смеешься, убегаешь вдаль;
Там улыбнулась в дали вольной.

Бежишь – а мне чего-то жаль.
Ушла – а мне так больно, больно...

Так в бирюзовую эмаль
Над старой, озлащенной башней
Касатка малая взлетит —
И заюлит, и завизжит,
Не помня о грозе вчерашней;
За ней другая – и смотри:
За ней, повизгивая окол,
В лучах пурпуровой зари

Над глянцем колокольных стекол —
Вся черная ее семья...

Грызет меня тоска моя.
И мне кричат издалека, —
Из зарослей сырой осоки,
Что я похож на паука:
Прислушиваюсь... Смех далекий,
Потрескиванье огонька...
Приглядываюсь... Спит река...
В туманах – берегов излучья...

Туда грозит моя рука,
Сухая, мертвая... паучья...

Иду я в поле за плетень.
Рожь тюкает перепелами;
Пред изумленными очами
Свивается дневная сень.
И разольется над лугами
В ночь умножаемая тень —
Там отверзаемыми мглами,
Испепеляющими день.

И над обрывами откоса,
И над прибрежную косою
Попыхивает папироза,
Гремит и плачет колесо.
И зеленеющее просо
Разволновалось полосой...
Невыразимого вопроса —

Проникновение во всё...
Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

1908

Москва

Мать

Она и мать. Молчат – сидят
Среди алеющих азалий.
В небес темнеющих глядят
Мглу ниспадающей эмали.
«Ты милого, – склонив чепец,
Прошамкала ей мать, – забудешь,
А этот будет, как отец:
Не с костылями век пробудешь».

Над ними мраморный амур.
У ног – ручной, пуховый кролик.
Льет ярко-рдяный абажур
Свой ярко-рдяный свет на столик.

Пьет чай и разрезает торт,
Закутываясь в мех свой лисий;
Взор над верандою простер
В зари порфиновые выси.

Там тяжкий месяца коралл
Зловещий вечер к долам клонит.
Там в озера литой металл
Темноты тусклые уронит; —

Тускнеющая дымом ночь
Там тусклые колеблет воды: —
Там – сумерками кроет дочь,
Лишенную навек свободы.

1908

Серебряный Колодезь

Судьба

Меж вешних камышей и верб
Отражена ее кручина.
Чуть прозявший, белый серп
Летит лазурною пустыней —
В просветах заревых огней
Сквозь полосы далеких ливней.

Урод склоняется над ней.
И всё видней ей и противней
Напудренный, прыщавый нос,
Подтянутые, злые губы,
Угарный запах папирос,
И голос шамкающий, грубый,

И лоб недобрый, восковой,
И галстук ярко огневой;
И видит: —
где зеленый сук
Цветами розовыми машет
Под ветром, – лапами паук
На паутинных нитях пляшет;
Слетает с легкой быстротой,
Качается, – и вновь слетает,
И нитью бледно-золотой
Качается, а нить блистает:
Слетел, и на цветок с цветка

Ползет по росянистым кочкам.
И падает ее рука
С атласным кружевным платочком;
Платочек кружевной дрожит
На розовых ее коленях;
Беспомощно она сидит
В лиловых, в ласковых сиренях.

Качается над нею нос,
Чернеются гнилые зубы;
Угарной гарью папирос
Растянутые дышат губы;
Взгляд оскорбительный и злой
Впивается холодной мглой,
И голос раздается грубый:
«Любовницей моею будь!»

Горбатится в вечернем свете
В крахмал затянутая грудь
В тяжелом, клетчатом жилете.

Вот над сафьянным башмачком
В лиловые кусты сирени
Горбатым клетчатым комком
Срывается он на колени.
Она сбегает под откос;
Безумие в стеклянном взгляде...
Стеклянные рои стрекоз
Летят в лазуревые глади.

На умирающей заре
Упала (тяжко ей и дурно)
В сырой росе, как серебре,
Над беломраморною урной.

Уж в черной, лаковой карете
Уехал он...
В чепце зеленом,
В колеблемом, в неверном свете,
Держа флакон с одеколоном,
Старушка мать над ней сидит,
Вся в кружевах, – молчит и плачет.

То канет в дым, то заблестит
Снеговой серп; и задымит
Туманами ночная даль;

Извечная висит печаль;

И чибис в полнощи плачет...

1906

Москва

Свадьба

Мы ждем. Ее всё нет, все нет...
Уставившись на паперть храма
В свой черепаховый лорнет,
Какая-то сказала дама.

Завистливо: «Si jeune... Quelle ange...»⁴
Гляжу – туманится в вуалях:
Расправила свой флер д'оранж, —
И взором затерялась в даях.
Уж регент, руки вверх воздев,
К мерцающим, златым иконам,
Над клиросом оцепенев,
Стоит с запевшим камертоном.

Уже златит иконостас
Вечеровая багряница.
Вокруг уставились на нас

---

⁴ Такая молодая... Какой ангел... (фр.).

Соболезнующие лица.

Блеск золотых ее колец...
Рыдание сдавило горло
Ее, лишь свадебный венец
Рука холодная простерла.

Соединив нам руки, поп
Вкруг аналая грустно водит,
А шафер, обтирая лоб,
Почтительно за шлейфом ходит.

Стою я, умилен, склонен,
Обмахиваясь «Chapeau claqué»⁵.
Осыпала толпа княжон
Нас лилиями, мятой, маком.

Я принял, разгасясь в углу,
Хоть и не без предубежденья,
Напечатленный поцелуй —
Холодный поцелуй презренья.

Между подругами прошла
Со снисходительным поклоном.
Пусть в вышине колокола
Нерадостным вещают звоном, —

Она моя, моя, моя...

---

⁵ Складная шляпа, цилиндр на пружинах (фр.).

Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли... Ласточек семья
Над папертью, визжа, метнулась.
Мальчишки, убегая вдаль,
Со смеху прыснули невольно.
Смеюсь, – а мне чего-то жаль.
Молчит, – а ей так больно, больно.

А колокольные кресты
Сквозь зеленеющие ели
С непобедимой высоты
На небесах заогневели.

Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Лениво громыхая где-то.

1905–1908

Серебряный Колодезь

После венца

Глядят – невеста и жених
Из подвенечной паутины,
Прожаживаясь вдоль куртины,
Колблемой зефиром; их —

Большой серебряный дельфин,
Плюющийся зеркальным блеском,
Из пурпуровых георгин
Окуривает водным блеском.

Медлительно струит фонтан
Шушукающий в выси лепет...
Жених, охватывая стан,
Венчальную вуаль отцепит;

В дом простучали костыли;
Слетела штора, прокачавшись.
Он – в кружевной ее пыли,
К губам губами присосавшись.
Свой купол нежно-снеговой
Хаосом пепельным обрушит —
Тот облак, что над головой
Взлетающим зигзагом душит;

И вспучилась его зола
В лучей вечеровые стрелы;
И пепел серый сеет мгла,
Развеивая в воздух белый;

Чтоб неба темная эмаль
В ночи туманами окрепла, —
Там водопадом топит даль
Беззвучно рушимого пепла.

1908

Москва

Город

Старинный дом

В.Ф. Ходасевичу

Всё спит в молчанье гулком.
За фонарем фонарь
Над Мертвым⁶ переулком
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —
И световая рама
Проходит на стене;

Лишь дворник встрепенется, —
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

Железная ограда;
Старинный барский дом;
Белеет колоннада

---

⁶ Переулок в Москве.

Над каменным крыльцом.

Листвой своей поблеклой
Шушукнут тополя.
Луна алмазит стекла,
Прохладный свет лия.

Проходят в окнах светы: —
И выступят из мглы
Кенкэты и портреты,
И белые чехлы.

Мечтательно Полина
В ночном дезабилье
Разбитое пьянино
Терзает в полумгле.

Припоминает младость
Над ногами: «Любовь,
Мечта, весна и сладость —
Не возвратитесь вновь.

Вы где, условны встречи
И вздох: Je t'aime, Poline...»⁷
Потрескивают свечи,
Стекает стеарин.

Старинные куранты

---

⁷ Я люблю тебя, Полин... (фр.).

Зовут в ночной угар.
Развеивает банты
Атласный пеньюар.

В полуослепшем взоре
Воспоминаний дым,
Гардемарин, и море,
И невозвратный Крым.

Поездки в Дэрикоэ,
Поездки к Учан-Су...
Пенснэ лишь золотое
Трясется на носу.

Трясутся папильотки,
Колышется браслет
Напудренной красотки
Семидесяти лет.

Серебряные косы
Рассыпались в луне.
Вот тенью длинноносой
Взлетает на стене.

Рыдает сонатина
Потоком томных гамм.
Разбитое пьянино
Оскалилось – вон там.

Красы свои нагие
Закрыла на груди,
Как шелесты сухие
Прильнули к ней: «Приди, —

Я млею, фея, млею...»
Ей под ноги луна
Атласную лилею
Бросает из окна.

А он, зефира тише,
Наводит свой лорнет:
С ней в затененной нише
Танцует менуэт.

И нынче, как намедни,
У каменных перил
Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил.

Как на дворе собаки
Там дружную гурьбой
Пролаяли, — Акакий —
Лакей ее седой,

В потертом, сером фраке,
С отвислою губой: —
В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.

Шушукнет за портретом,
Покажется в окне: —
И рама бледным светом
Проходит на стене.
Лишь к стеклам в мраке гулком
Прильнет его свеча...
Над Мертвым переулком
Немая каланча.

Людей оповещает,
Что где-то – там – пожар, —
Медлительно взвывает
В туманы красный шар.

Август 1908

Суйда

Маскарад

М.Ф. Ликиардопуло

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт, – атласный, красный, —

За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань, —

Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин гостье рад.

Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: —
Входит гостья, щелкнет костью,
Взвевет саван: гостья – смерть.

Гость: – немое, роковое,
Огневое домино —
Неживую головою
Над хозяйкой склонено.
И хозяйка гостя вводит.
И хозяин гостье рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.

Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.

Закрутив седые баки,

Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Чей-то голос раздается:
«Вам погибнуть суждено», —
И уж в дальних залах вьется, —
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья – смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь.

Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся – никого.
Лишь, виясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.

«Злые шутки, злые маски», —
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

Ждет. И боком, легким скоком, —
«Вам погибнуть суждено», —
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.

Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.

В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров, —
Рвутся струны страстных арф.

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па, —
Ловит бэби в темной нише —
Ловит бэби – grand papa⁸.

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отрадный морс.

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.
За каретою карета

---

⁸ Дедушка (фр.).

Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и бэби строит куры
Престарелый grand papa.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.

Только там по гулким залам —
Там, где пусто и темно, —
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Меланхолия

М.Я. Шиху

Пустеет к ўтру ресторан.
Атласами своими феи
Шушукают. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи —

Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымнотекущей сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там: – газовый в окне фонарь
Огнистым дозирует глазом.

Над городом встают с земли, —
Над улицами клубы гари.
Вдали – над головой – вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив.
Там: – отблески на потолке
Гирляндю воздушных кружев

Протянутся. И все на миг
Зажжется желтоватым светом.
Там – в зеркале – стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом —

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904

Москва

Отчаянье

Е.П. Безобразовой

Веселый, искрометный лед.
Но сердце – ледянистый слиток.
Пусть выюга белоцвет метет, —
Взревет; и развернет свой свиток.

Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьется в ночь и прохочет.

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлившись, вдруг истает.

Душа, остановись – замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!

Отцветших, отгоревших дней
Осталась песня недопета.
Пляшите, уличных огней

На скользких плитах иглы света!

1904

Москва

Праздник

В.В. Гофману

Слепнут взоры: а джиорно
Освещен двухсветный зал.
Гость придворный непритворно
Шепчет даме мадригал, —
Контредансом, контредансом
Завиваясь в «chinoise».
Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.

Там – вдали – проходит полный
Седовласый кавалер.
У окна вскипают волны
Разлетевшихся портьер.

Обернулся: из-за пальмы
Маска черная глядит.
Плещут струи красной тальмы
В ясный блеск паркетных плит.

«Кто вы, кто вы, гость суровый —
Что вам нужно, домино?»
Но, закрывшись в плащ багровый,
Удаляется оно.

Прислонился к гобелэнам,
Он белее полотна...
А в дверях шуршит уж трэном
Гри-де-перлевым жена.

Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.
Контредансом, контредансом
Вьются гости в «chinoise»

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Пир

С.А. Полякову

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.
Мы ехали. Юна, свежа,
Плеснула перьями красotka.

А пуля плакала, визжа,
Над одинокою пролеткой.

Нас обжигал златистый хмель
Отравленной своей усладой.
И сыпалась – вон там – шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Aquarium'e» с ней шутил
Я легкомысленно и метко.
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой,

Меж пальцев задрожавших взял
Благоуханную сигару,
Взволнованно к груди прижав
Вдруг зарыдавшую гитару.

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий,
Плыла: – и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

Не дрогнул юный офицер,

Серdito в пол палаш ударив,
Как из раздернутых портьер
Лизнул нас сноп кровавых зарев.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной.
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.

Луч солнечный ужо взойдет;
Со знаменем пройдет рабочий:
Безумие нас заметет —
В тяжелой, в безысходной ночи.

Заутра брызнет пулемет
Там в сотни возмущенных грудей;
Чугунный грохот изошьет,
Рыдая, злая пасть орудий.

Метелицы же рев глухой
Нас мертвенною пляской свяжет, —
Заутра саван ледяной,
Виясь, над мертвецами ляжет,
Друзья мои...»

И банк метал
В разгаре пьяного азарта;
И сторублевики бросал;
И сыпалась за картой карта.

И, проигравшийся игрок,
Я встал: неуязвимо строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок кидая ноги.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснущих застыв,
Влилось сквозь матовые стекла —

Рассвета мертвое пятно.
День мертвенно глядел и робко.
И гуще пенилось вино,
И целкало взлетевшей пробкой.

1905

Москва

Укор

Кротко крадешься креповым трэном,
Растянувшись, как дым, вдоль паркета;
Снеговым, неживым манекеном,
Вся в муар серебристый одета.
Там народ мой – без крова; суровый
Мой народ в унижение и плене.
Тяжелит тебя взор мой свинцовый.

Тонешь ты в дорогом валансьене.

Я в полях надышался свинцами.
Ты – кисейным, заоблачным мифом.
Пропылишь мне на грудь кружевами,
Изгибаясь стеклярусным лифом.

Или душу убил этот грохот?
Ты молчишь, легкий локон свивая.
Как фонтан, прорывает твой хохот,
Жемчужовую грудь изрывая.

Ручек матовый мрамор муаром
Задымишь, запылишь. Ты не слышишь?
Мне в лицо ароматным угаром
Ветер бледнопуховый всколышешь.

1909

Серебряный Колодезь

Поджог

Заснувший дом. Один, во мгле
Прошел с зажженной лучиной.
На бледном, мертвенном челе
Глухая скорбь легла морщиною.

Поджег бумаги. Огонек

Заползал синей, жгучей пчелкою.
Он запер двери на замок,
Объятый тьмой студеной, колкою.

Команда в полночь пролетит
Над мостовой сырой и тряскою; —
И факел странно зачадит
Над золотой, сверкнувшей каскою.

Вот затянуло серп луны.
Хрустальные стрекочут градины.
Из белоструйной седины
Глядят чернеющие впадины.

Седины бьются на челе.
Проходит улицей пустынною.
На каланче в туманной мгле
Взвивается звезда рубинная.

1905

Петербург

На улице

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распутивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот – я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904

Москва

Вакханалия

И огненный хитон принес,
И маску черную в кардонке.

За столиками гроздь роз
Свой стебель изогнули тонкий.

Бокалы осушал, молчал,
Камелию в петлицу фрака
Воткнул и в окна хохотал
Из душного, ночного мрака —

Туда, – где каменный карниз
Светился предрассветной лаской, —
И в рдьяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,

Прикидываясь мертвецом...
И пенились – шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

Над восковым его челом
Крестились, наклонились оба —
И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба.

Один – заголосил, завыл
Над мертвым на своей свирели;
Другой – цветами перевил
Его мечтательных камелий.

В подставленный сосуд вином

Струились огненные росы,
Как прободал ему жезлом
Грудь жезлоносец длинноносый.

1906

Мюнхен

Арлекинад

Посвящается современным арлекинам

Мы шли его похоронить
Ватагою беспутно сонной.
И в бубен похоронный бить
Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. Мы в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадельницами воскурили.

Мы колыхали красный гроб;
Мы траурные гнали дроги,
Надвинув колпаки на лоб...
Какой-то арлекин убогий —

Седой, полуслепой старик —
Язвительным, немым вопросом

Морщинистый воскинул лик
С наклеенным картонным носом.

Горбатился в сухой пыли.
Там в одеянии убогом
Надменно выступал вдали
С трескучим, с вытянутым рогом —

Герольд, предвозвещавший смерть;
Там лентою вилась дорога;
Рыдало и гремело в твердь
Отверстие глухого рога.

Так улиц полумертвых строй
Процессия пересекала;
Рисуясь роковой игрой,
Паяц коснулся бледно-алой —

Камелии: и встал мертвец,
В туман протягивая длани;
Цветов пылающий венец
Надевши, отошел в тумане: —

Показывался здесь и там;
Заглядывал – стучался в окна;
Заглядывал – врывался в храм,
Сквозь ладанные шел волокна.

Предвозвещающая рогом смерть,

О мщении молил он бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.

«Вы думали, что умер я —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками.

Вы думали – я был шутом?..
Молю, да облак семиглавый
Тяжелый опрокинет гром
На род кощунственный, лукавый!»

Ноябрь 1906

Мюнхен

Преследование

Опять над нею залучился
Сияньем свадебный венец.
За нею в дрогах я тащился,
Неуспокоенный мертвец.

Сияла грешным метеором
Ее святая красота.
Из впадин ей зияла взором
Моя немая пустота.

Ее венчальные вуали
Проколебались мне в ответ.
Ее глаза запеленали
Воспоминанья прежних лет.

На череп шляпу я надвинул.
На костяные плечи – плед.
Жених бледнел и брови сдвинул,
Как в дом за ними шел я вслед.

И понял он, что обвенчалась
Она не с ним, а с мертвецом.
И молча ярость занималась
Над бледно бешеным лицом.

Над ней склоняюсь с прежней лаской;
И ей опять видны, слышны:
Кровавый саван, полумаска,
Роптанья страстные струны,

Когда из шелестящих складок
Над ней клонюсь я, прежний друг.
И ей невыразимо гадок
С ней почивающий супруг.

1906

Серебряный Колодезь

Похороны

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

Смеркается.
Месяц серебряный, юный
Поднимается.
Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.

Вдоль оград, тротуаров, – вдоль скверов,
Над железной решеткой, —
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося...
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям взвился.

Глуше напев похорон.

Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен —
Там, в отдаленье – проносят.

1906

Москва

* * *

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул, дотоле
Цепями ржавыми греми
Из башни каменной о воле.

Да покрывается чело, —
Твое чело, кровавым потом.
Глаза сквозь мутное стекло —
Глаза – вздетые к высотам.

Нальется в окна бирюза,
Воздушное нальется злато.
День – жемчуг матовый – слеза —
Течет с восхода до заката.

То серый сеется там дождь,
То – небо голубеет степью.
Но здесь ты, заключенный вождь,

Греми заржавленную цепью.

Пусть утро, вечер, день и ночь —
Сойдут – лучи в окно протянут:
Сойдут – глядят: несутся прочь.
Прильнут к окну – и в вечность канут.

Июнь 1907

Петровское

В Летнем саду

Над рестораном сноп ракет
Взвивается струею тонкой.
Старик в отдельный кабинет
Вон тащит за собой ребенка.

Над лошадиною спиной
Оголена, в кисейной пене, —
Проносится – ко мне, за мной!
Проносится по летней сцене.

Прошелкает над ней жокей —
Прошелкает бичом свистящим.
Смотрю... Осанистый лакей
С шампанским пробежал пьянящим.

И пенистый бокал поднес.

Вдруг крылья ярко-красной тоги
Так кто-то над толпой вознес —
Бежать бы: неподвижны ноги.

Тяжелый камень стекла бьет —
Позором купленные стекла.
И кто-то в маске восстает
Над мертвенною жизнью, блеклой.

Волнуются: смятенье, крик.
Огни погасли в кабинете; —
Оттуда пробежал старик
В полузастегнутом жилете, —

И падает, – и пал в тоске
С бокалом пенистым рейнвейна
В протянутой, сухой руке
У тиховейного бассейна; —

Хрипит, проколотый насквозь
Сверкающим, стальным кинжалом:
Над ним склонилось, пролилось
Атласами в сиянье алом —

Немое домино: и вновь,
Плеща крылом атласной маски,
С кинжала отирая кровь,
По саду закружилось в пляске.

1906

Серебряный Колодезь

На площади

Он в черной маске, в легкой красной тоге.
И тога шелком плещущим взлетела.
Он возглашает: «Будете как боги».
Пришел. Стоит. Но площадь опустела.

А нежный ветер, ветер тиховойный,
К его ногам роняет лист каштана.
Свежаясь пылью в зеркало бассейна
Кипит, клокочет кружево фонтана.

Вознес лампаду он над мостовую,
Как золотой, как тяжковесный камень.
И тучей искр взлетел над головою
Ее палящий, бледный, чадный пламень.

Над головой дрожит венок его из елки.
Лампаду бросил. Пламя в ней угасло.
О мостовую звякнули осколки.
И пролилось струей горячей масло.

За ним следят две женщины в тревоге
С перил чугунных, каменных балконов.

Шурша, упали складки красной тоги
На гриву черных, мраморных драконов.

Открыл лицо. Горит в закатной ласке
Оно пятном мертвеющим и мрачным.
В точеных пальцах крылья полумаски
Под ветром плещут кружевом прозрачным.

Холодными прощальными огнями
Растворены небес хрустальных склоны
Из пастей золотыми хрусталями
В бассейн плюют застывшие драконы.

1906

Мюнхен

Прохождение

Я фонарь
Отдаю изнемогшему брату.

Улыбаюсь в закатный янтарь,
Собираю душистую мяту.

Золотым огоньком
Скорбный путь озаряю.

За убогим столом

С бедняком вечеряю.

Вы мечи
На меня обнажали.

Палачи,
Вы меня затерзали.
Кровь чернела, как смоль,
Запекаясь на язве.

Но старинная боль
Забывается разве?

Чадный блеск, смоляной,
Пробежал по карнизам.

Вы идете за мной,
Прикасясь к разодранным ризам.

– «Исцели, исцели
Наши темные души...»

Ветер листья с земли
Взвевает шелестом в уши...

Край пустынен и нем.
Нерассветная твердь.

О, зачем

Не берет меня смерть!

1906

Мюнхен

Безумие

В полях

Я забыл. Я бежал Я на воле
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.

Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали – я падал в крови:
Многодробные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутьях
Поцелуи холодной зари.

Над простором плету, неподвижен,

Из колючей крапивы венки.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.

Ветер, плачущий брат мой, – здесь тихо.
Ты пролей на меня свою сонь.
Иступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

1907

Париж

Матери

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал —
Никто: только кустик хилый
Облеченной веткой кивал.

Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень —
Потухший пламень... – нести.

Собрала их ко мне – могила.
Забыли все с того дня.
И та, что – быть может – любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их тьмью впадин;
Постучусь – они дверь замкнут.
А здесь – от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

Нет. – Спрячусь под душевные плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном вздыхать.

Январь 1907

Париж

Полевой пророк

В.В. Владимирову

Средь каменьев меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость – полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу, —
Как прошло: всё прошло – отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле – дом мой. Песок – мое ложе.
Полог – дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —
Я – просторов рыдающих сторож,
Исходивший великую Русь.

Январь 1907

Париж

На буграх

Песчаные, песчаные бугры, —
Багряные от пиршества заката.
Пространств моих восторги и пиры
В закатное одеты злато.

Вовек в степи пребуду я – аминь!
Мои с зарей – с зарею поцелуй!
Вовек туда – в темнеющую синь

Пространств взлетают аллилуйи.

Косматый бог, подобием куста
Ко мне клонясь, струит росу листвою
В мои, как маки, яркие уста, —
Да прорастут они травую.

Твой ныне страж убогих этих мест
Я, старый бог, степной завет исполню:
Врагов твоих испепелю окрест,
Прияв трезубец жарких молний.

Пред ним простерт, взываю: «Отче наш».
Бурмидским жемчугом взлетело утро.
Косматый бог лиет лазурь из чаш
И водопад из перламутра.

Заря горит: ручьи моих псалмов
Сластят уста молитвою нехитрой.
На голове сапфиром васильков
Вся прозябающая митра.

1908

Серебряный Колодезь

Полевое священнодействие

Н.Н. Русову

Я помню день: враги с окрестных сел
Восстали на меня – и вот: погибли,
Когда на них молитвенно пошел,
Закляв словами травных библий.

Когда, как месть, волшебств туманный ток,
Дымящийся росой и ветрами,
Подъяв, заклятьем пролил на восток
Над охлажденными лугами.

Эй, ты! Падешь, коль вновь возмнишь восстать
На божество, как пал в веках твой прадед, —
И мой репейник бешеный, как тать,
Иглою шип под сердцем всадит.

Я вольный поп: и ныне, как и встарь,
Сюда кустом на брань рукоположен.
И вещей – сам. И вещей мой алтарь
Из крепких, красных камней сложен.

Колючий клир (ревнивое репье) —
Мои прозябшие цветами прихожане —
Вознес над вами, скрыв лицо мое,
Благославляющие длани.

Вот соберу с болот зеленый хвощ,
От ульев – мед, от нивы – колос хлебный!
Текут века... Я утро, день и ночь

Служу целебные молебны.

Цветись, цветок, – и в ветер венчик кинь!
Взлетайте выше, ладанные струи!
Вовек туда, в темнеющую синь
Пространств восходят аллилуйи.

Медовый ветер струит густой елей,
Сластит уста и льется быстротечно.
Стоят холмы, подъяв престол полей
Тысячелетия, извечно.

И космами над синею водой
Вдали поник в бунтующей порфире
Сердитый бог с зеленой бородой —
Последний бог в пустынном мире.

Твой вопль глухой гудит, летит, твердит, —
Твердит в поля, лиет елей и стынет;
Зеленой хлябью вновь – и вновь – вскипит,
Листвяной купой хладно хлынет.

Из уст твоих – златые словеса!
Из уст дуплистых, сладно в высь кидаясь,
Они туда – в немые небеса —
Текут, потоком изливаясь.

Как возведу в простор окрестных сел
Сладчайших уст, о куст порфиородный, —

Как возведу бунтующий глагол,
Неизреченный и свободный.

Из вековой, из царственной глуши
Ты – сук сухой наставя, как трезубец, —
Туда – во мрак трухлявой их души
Грозишь, косматый душегубец.

1908

Серебряный Колодезь

Последний язычник

Б.К. Зайцеву

Века текут... И хрипло рухнул в лог
Старинный куст, изъеденный судьбою.
А я в слезах простерт у мшистых ног,
Как дым кадильный пред тобою.

В последний раз дупло – твое дупло —
Лобзаю я, наполненное гнилью.
Века текут; что было, то прошло.
Ты прорастешь седою былью.

Медвяных трав касается мой лоб.
Испив елей, и ныне, как намедни,
В последний раз – твой верный, старый поп —

Я здесь служу свои обедни.

Над золотой, вечернею рекой
Свивают кольца облачные змии
Скорей, скорей, – о поле, упокой
В твоей бездомной киновии.

Меня прими, – в простор простертый гроб!
Рассейтесь вы, как дым, седые бредни!
В последний раз – твой верный, старый поп —
Я здесь служу свои обедни.

1908

Серебряный Колодезь

Успокоение

Ушел я раннею весной.
В руках протрепетали свечи.
Покров линючей пеленой
Обвил мне сторбленные плечи,

И стан – оборванный платок.
В надорванной груди – ни вдоха.
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;

На леденистое стекло

Ногою наступил и замер...
Там – время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.

Сложивши руки, без борьбы,
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:

В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах.

Там вечером, – и нем, и строг —
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.

И как повеяло весной,
Я убежал из душных камер;
Упился юною луной;
И средь полей блаженно замер;

Мне проблестала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал:
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей лдяных игол.
Мне крова душного не жаль.

Не укрываю головы я.
Смеюсь – засматриваюсь вдаль:
Затеplit свечи восковые,

Склоняясь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи —
Чертополох, чертополох:
Кусается – и гасит свечи.

И вот свеча моя, свеча,
Упала – в слякоти дымится;
С чела, с кровавого плеча
Кровавая струя струится.

Лежу... Засыпан в забытье
И тающим, и нежным снегом,
Слетающим – на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.

1904–1906

Москва

Угроза

В тот час, когда над головой
Твой враг прострет покров гробницы, —
На туче вспыхнет снеговой
Грозящий перст моей десницы.

Над темной кущей
Я наплываю облаком, встающим
В зное.

Мой глас звучит,
Колебля рожь.

Мой нож
Блестит
Во имя Бога —
– Обломок месячного рога
Сквозь облако немое.

Всхожу дозором
По утрам
Окинуть взором
Вражий стан;
И там —

На бледнооблачной гряде
Стою с блеснувшим копией,
Подобным утренней звезде

Своим алмазным острием
Пронзившим веющий туман.

1905

Дедово

В темнице

Пришли и видят – я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу
В очах – нет слез, в груди – нет вздохов.

Мне жить в застенке суждено.
О, да – застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Да, – я проклятие изрек
Безумству в высь взлетевших зданий.
Вам не лишит меня вовек
Зари текучих лобызаний.

Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый.
Мне говорят, что я – умру,
Что худ я и смертельно болен,
Но я внимаю серебру
Заклокотавших колоколен.

Уйду я раннею весной

В линючей, в пламенной порфире
Воздвигнут в дали ледяной
Двухзвездный, блещущий дикирий.

1907

Москва

Утро

Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен Я болен? О нет – я не болен.
Воздетые руки горе на одре – в серебре.

Там в пурпуре зори, там бури – и в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я – глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает – золотой в золотые лазури.

Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

1907

Париж

Отпевание

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых, —

В гиацинтах розовых и лиловых,
И белых.

Без слов
Вознес мой друг —
Меж искристых блесток
Парчи —

Малиновый пук
Цветов —

В жестокий блеск
Свечи.

Приходите, гости и гости, —
Прошепчите: «О Боже»,
Оставляя в прихожей

Зонты и трости:

Вот – мои кости...

Чтоб услышать мне смех истерический, —
Возложите венок металлический!

Отпевание, рыдания
В сквозных, в янтарных лучах;

До свидания —

В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания!

Дьякон крикнул,
Кадилом звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба
твоего...»

Вокруг —
Невеста, любовница, друг
И цветов малиновый пук,

А со мной – никого,
Ничего.

Сквозь горсти цветов онемелых,
Пунцовых —
Савана лопасти —
Из гиацинтов лиловых
И белых —
Плещут в загробные пропасти.

1906

Серебряный Колодезь

У гроба

Со мной она —
Она одна.

В окнах весна.
Свод неба синь.
Облака летят.

А в церквах звонят:
«Дилинь динь-динь...»

В черном лежу сюртуке,
С желтым —
С желтым
Лицом;
Образок в костяной руке.

Дилинь бим-бом!

Нашел в гробу
Свою судьбу.

Сверкнула лампадка.
Тонуть в неземных
Далях —
Мне сладко.

Невеста моя зарыдала,
Крестя мне бледный лоб.
В креповых, сквозных

Вуалях
Головка ее упала —
В гроб...
Ко мне прильнула:
Я обжег лицо ее льдом.
Кольцо блеснуло
На пальце моем.

Дилинь бим-бом!

1906

Серебряный Колодезь

ВЫНОС

Венки снимут —
Гроб поднимут —

Знаю,
Не спросят.

Над головами
Проплываю
За венками —

ВЫНОСЯТ —

В ДЫМНЫХ СТОЛБАХ,

В желтых свечах,
В красных цветах —

Ах!..

Там колкой
Елкой, —
Там можжевельником
Бросят
На радость прохожим
бездельникам —

Из дому
Выносят.
Прижался
Ко лбу костяному
Венчик.

Его испугался
Прохожий младенчик.

Плыву мимо толп,
Мимо дворни
Лицом —
В телеграфный столб,
В холод горний.

Толпа отступает.
Служитель бюро

Там с иконой шагает,

И плывет серебро
Катафалка.

Поют,
Но не внемлю.

И жалко,

И жалко,
И жалко
Мне землю.

Поют, поют:
В последний
Приют
Снесут
С обедни —

Меня несут
На страшный суд.

Кто-то там шепчет невнятно:
«Твердь – необъятна».
Прильнула и шепчет невнятно
Мне бледная, бледная смерть.
Мне приятно.

На желтом лице моем выпали
Пятна.

Цветами —
Засыпали.
Устами —
Прославили.
Свечами —
Уставили.

1906

Серебряный Колодезь

Друзьям

Н.И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.

Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.
Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь
Вернусь!

Январь 1907
Париж

Туда

К небу из душных гробов
Головы выше закинем:
Видишь – седых облачков
Бледные пятна на синем.

Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли.
Плавно взлетим

Взмахом серебряных крылий.

Память о прошлом уснет.
Робко на облако встанем.
В синий пролет
Робко заглянем.

В страхе замрем
Грустны и немы,
И не пойдем,
Где мы.

Белый атлас.
Свод полнозвездный...
Приняли нас
Вечные бездны.

1904

Серебряный Колодезь

* * *

Я в струе воздушного тока,
Восстану на мертвом одре.
Закачается красное око
На упавшем железном кресте.

Мне подножие – мраморный камень,
Но я встану, омят бирюзой.
На ланитах заискрится пламень
Самоцветной, как день, слезой.

Скоро, скоро – сквозным я духом
Неотвратно приду за ней,
Облеченный бледным воздухом,
Как вуалью все тех же дней.

И к ней – воздушный скиталец —
Прижму снеговое лицо.
Наденет она на палец
Золотое мое кольцо.

Знаю все: в сквозные вуали
И в закатный красный янтарь,
Облечемся, – царица, царь.

Был окован могилой сырою,
Надо мною качался крест.
А теперь от людей укрою
Ее колыбелью звезд.

1907

Москва

Просветы

Поповна

З.Н. Гиппиус

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.

Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Все пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет. Над ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльной листвою,
Наряден, вымыт, чист, —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блестят в лучах зари —
Его младое око
И красные угри.
Прекрасная поповна, —
Прекрасная, как сон,
Молчит, – зарделась, словно
Весенний цвет пион.

Молчи. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик золотых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Кругом моркови, репы.
Выходят на лужок.
Танцуют курослепы.
Играет ветерок.

Вдали над косарями
Огни зари горят.
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель⁹.

И там, где крест железный, —
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.

Не терпится кокетке
(Семь бед – один ответ).
Пришпилила к жилетке
Ему ромашки цвет.

А он: «Домой бы, Маша,
Чтоб не хватились нас
Папаша и мамаша.
Домой бы: поздний час».
Но розовые юбки
Расправила. В ответ
Он ей целует губки,
Сжимает ей корсет.

Предавшись сладким мукам
Прохладным вечерком,
В лицо ей дышит луком

---

⁹ Колодезь.

И крепким табаком.

На баске безотчетно
Раскалывает брошь
Своей рукою потной, —
Влечет в густую рожь.

Молчит. Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик золотых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подрыснике холщовом
Прижался он к окну
Корит жестоким словом
Покорную жену.

«Опять ушла от дела
Гулять родная дочь.
Опять не доглядела!»
И смотрит – смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте

Лишь небо да скворечник
На согнутом шесте.

С дебелой попадьёю
Всю ночь бранится он,
Летучею струею
Зарницы осветлен.

Всю ночь кладет поклоны
Седая попадьё,
И темные иконы
Златит уже заря.

А там в игре любовной,
Клоня косматый лист,
Над бледною поповной
Склонен семинарист.

Колышется над ними
Крапива да лопух.
Кричит в рассветном дыме
Докучливый петух.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах.
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1906

Москва

Город

Клонится колос родимый
Боже, – внемли и подьемли
С пажитей, с пашни
Клубы воздушного дыма, —
Дымные золота земли!

Дома покой опостылил.
Дом покидаю я отчий...
Облаков башни
В выси высокие вылил, —
Вылил из золота Зодчий.
Юность моя золотая,
Годы, разбитые втуне!..
К ниве озимой
Ласково льнут, пролетая,
Легкие, легкие луни.

Лик мой, что в высь опрокинул,
Светочем, Боже, исполни!
Светоч родимый —
В просветы светлые хлынул
Хладными хлябями молний.

Буду я градом исколот.
Вихрь меня пылью замылит
В неба лазурного холод —
Город из золота вылит.

1907

Тройка

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.
В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная

Золотистая дуга.
Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярче вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: «Здравствуй, молодец...»
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

Июнь 1904

Серебряный Колодезь

Странники

А.С. Петровскому

Как дитя, мы свободу лелеяли,
Проживая средь душной неволи.
Срок прошел. Мы бывшее развеяли.
Убежали в пустынное поле.

Там, как в тюрьмах, росло наше детище;
Здесь приветствовал стебель нас ломкий.
Ветерок нежно рвал наше вретище.
Мы взвалили на плечи котомки, —

И пошли. Силой крестного знаменья
Ты бодрил меня, бледный товарищ,
Над простором приветствовал пламень я
Догоравших вечерних пожарищ.

Ветерки прошумели побегамии.
Мы, вздохнув, о страданье забыли.
День погас. На дороге телегами
Поднимали столбы серой пыли.

Встало облако сизыми башнями.
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими хлебными пашнями
Брызнул свет златоогненных вспышек.
Зорька таяла пологом розовым.
Где-то каркал охрипший галчонок.
Ты смотрел, как лесом березовым
Серп луны был и снежен, и тонок.

1904

Москва

В лодке

Лишь прохладой дохнул водяною,
Порастаяли черные мысли.
И цветов росяных надо мною
Белоснежные кисти повисли.

Затомлен поцелуем воздушным.
И поклоны зеленого стебля
Я веслом отклоняю послушным,
Легкоструйные ткани колебля.

Что со мною? Восторг ли, испуг ли
В пенном кружеве струйном уносит?
Золотые, закатные угли
Уходящее солнце разбросит.

Прокипев, хрустали золотые
Разбежались от пляшущих весел
И смеясь, росяные цветы я
В бирюзовое зеркало бросил.

День сгорел – отошел: он не нужен...
И забила по ясности зыбкой
Пузырьками воздушных жемчужин
Легкоплавная, юркая рыбка.

1907

Париж

ЖИЗНЬ

В.И. Иванову

Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, вспять идти – нельзя.
Вот она – протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя!

Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко вдаль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?

Лучевые копыя, предзакатные
Изорвали грудь своим огнем
Напоили волны пережатные
Ароматно веющим вином.

Как зарей вечернею, зеленою, —
Как поет восторг, поет в груди!
Обрываются полосой студеною
Надо мной хрустальные дожди.

Все поля – кругом поля горбатые,
В них найду покой себе – найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копыя острые, паду.

Август 1906

Серебряный Колодезь

Вечер

Вечер. Коса золотистая,
Видишь, – в лесу замелькала осиновом.

Ветка далекая,
Росистая,
Наклоняется
В небе малиновом.
И сорока качается
На ней белобокая.

Слежу за малюткою.
С видом рассеянным
То постоит
Над незабудкою,
То побежит
За одуванчика пухом развеянным.

Милая, ясная,
Синеокая, —
Засмотрелась, как белочка красная
Проскакала по веточке, цокая.

Ласковый, розово-матовый
Вечер.
В небо вознесся агатовый

Блещущий глетчер.

1906

Дедово

Тень

Откос под ногами песчаный, отлогий.
Просторы седые открылись с откоса.
И спелую кистью усталые ноги
Целует и гладит мне спелое просо.

Но облак, порфирой своей переметной
Лизнувший по морю колосьев кипящих,
Поплыл, оттеняя в душе беззаботной
Немые пространства восторгов томящих.

Я плакал: но ветром порфира воздушно,
Как бархатом черным, – она продышала;
И бархатом черным безвластно, послушно
Пред солнцем, под солнцем она облетала.
Я в солнце смеялся, но было мне больно.
На пыльной дороге гремели колеса.
Так ясен был день, но тревогой невольной
Вскипело у ног медно-ржавое просо.

1906

Серебряный Колодезь

Работа

П.И. Астрову

На дворе с недавних пор
В услуженье ты у прачки.
День-деньской свожу на двор
Кирпичи для стройки в тачке.

День-деньской колю дрова,
Отогнав тревогу.
Все мудреные слова
Позабыл, ей-богу!

От зари до поздних рос
Труд мой легок и налажен.
Вот согнулся я, и тес
Под рубанком срезан, сглажен.

Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Там глядишь ты из угла
На зеленые березки...
С легким присвистом пила,

Накалясь, вопьется в доски,

Растяжелым утюгом
Обжигаетесь и гладишь.
Жарким, летним вечерком
Песенку наладишь: —
Подхватчу... Так четко бьет
Молоток мой по стамеске:
То взлетит, то упадет,
Проблистав в вечернем блеске.

1904

Ефремов

Всё забыл

Г. Гюнтеру

Я без слов: я не могу.
Слов не надо мне.

На пустынном берегу
Я почил во сне.

Не словам, – молчанью, брат,
О, внемли, внемли.

Мы – сияющий закат,

Взвеванный с земли.

Легких воздушных крутят
Легкие моря.

Днем и сумраком объят, —
Я, как ты, — заря.

Это я плесну волной
Ветра в голубом.

Говорю тебе одно,
Но смеюсь — в другом.

Пью закатную печаль —
Красное вино.

Знал, забыл — забыть не жаль
Всё забыл давно.

Март 1906

Москва

Кроткий отдых

Я изранен в неравном бою.
День мой труден и горек.
День пройдет: я тебя узнаю

В ласке тающих зорек.

От докучных вопросов толпы
Я в поля ухожу без ответа:
А в полях – золотые снопы
Беззакатного света.

Дробный дождик в лазурь
Нежным золотом сеет над нами:
Бирюзовые взоры не хмурь —
Процелуй, зацелуй ветерками.

И опять никого. Я склонен, —
Я молюсь пролетающим часом.
Только лен
Провеваает атласом.

Только луг
Чуть сверкает в сырой паутине,
Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

Февраль 1905

Москва

Прогулка

Не струя золотого вина

В отлетающем вечере алом:
Расплескалась колосьев волна,
Вдоль межи пролетевшая шквалом.

Чуть кивали во ржи васильков
Голубые, как небо, коронки,
Слыша зов,
Серебристый, и чистый, и звонкий.
Голосистый поток
Закипал золотым водометом:
Завернулась в платок, —
Любовалась пролетом.

На струистой, кипящей волне
Наши легкие, темные тени —
Распростерты в вечернем огне
Без движений.

Я сказал: «Не забудь»,
подавая лазурный букетик.
Ты – головку склонивши на грудь,
Целовала за цветиком цветик.

1904

Серебряный Колодезь

Обручальное кольцо

Солнца эфирная кровь,
Росный, серебряный слиток,
Нежность, восторг и любовь:
Вот он – пьянящий напиток.

Знай: это – я, это – я,
Это – мои поцелуи.
Я зачарую тебя.
Струи, жемчужные струи!

Если с улыбкой пройдешь
Лугом, межой, перелеском,
Я – в закипевшую рожь
Брызну рассыпчатым блеском.

Если ты пьешь, чуть дыша,
Венчиком розовых губок, —
Знай, молодая душа —
Неба взметенного кубок.
Кубок лазурный испей:
Слаще, звончей и чудесней
Там – меж струистых зыбей —
Райские, райские песни...

Сердишься, прячешь кольцо, —
Душу грозой наполню,
Ярые тучи в лицо
Мечут янтарную молнию.

1907

Петровское

Память

Листочком
Всхлипнет ветка осиновая.

Глазочком
Поморгает лампадка малиновая.

Милые
Приходят ко мне с веночком, —

С цветами —
Белыми, сладостными
Цветами.

Из могилы я
Орошаю радостными
Моими слезами
Цветы.
Кругом —
Кресты
Каменные.
Кругом —
Цветы

Да фонарики пламенные.

1907

Ты

Меж сиреней, меж решеток
Бронзовых притих.
Не сжимают черных четок
Пальцы рук твоих.

Блещут темные одежды.
Плещет темный плат.
Сквозь опущенные вежды
Искрится закат.

У могил, дрожа, из келий
Зажигать огни
Ты пройдешь – пройдешь сквозь ели:
Прошумят они.

На меня усталым ликом
Глянешь, промолчишь.
Золотое небо криком
Остро взрежет стриж.

И, нарвав сирени сладкой,
Вновь уйдешь ты прочь.

Над пунцовой лампадкой
Поднимаюсь в ночь.

Саван крест рососою кропит,
Щелкнет черный дрозд,
Да сырой туман затопит
На заре погост.

1906

Дедово

Приходи

Издалека
Прошушукаю милой
Легким лепетом,
Руки складывая
На груди:
«Приходи!»
Над могилой
Трепетом
Колыхается красное око.

Из сирени
В тени
Падаю,
Руки складывая
На груди.

К милой
Лепетом
Прилечу издалёка.

Над могилой
Трепетом
Колыхается страстное око.

1907

Свидание

Тужила о миллом.

Левкою
Весною
Носила к могилам.

Над вечным покоем
Стояла
С левкоем.

Упала
Она на граниты.

Бериллы, и жемчуг,
И слезы

Зажгли ей ланиты.
И душистые розы,
И душистые розы —
Пурпурные —

Могилы
Вонюю кропили.

Вставали,
Бродили, —

Она
И с ней милой.

Они проходили
В эфиры лазурные.

1906
Серебряный Колодезь

Обет

Ты шепчешь вновь: «Зачем, зачем он
Тревожит память мертвых дней?»
В порфире легкой, легкий демон,
Я набегаю из теней.

Ты видишь — мантия ночная

Пространством ниспадает с плеч.
Рука моя, рука сквозная,
Приподняла кометный меч.

Тебе срываю месяц – чашу,
Холодный блеск устами пей...
Уносимся в обитель нашу
Эфиром плещущих степей.

Не укрывай смущенных взоров.
Смотри – необозримый мир.
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир.
Протянут огневые струны
На лире, брошенной в миры.
Коснись ее рукою юной:
И звезды от твоей игры —

Рассыплются дождем симфоний
В пространствах горестных, земных:
Там вспыхнет луч на небосклоне
От тел, летящих в ночь, сквозных.

Июль 1907

Москва

Горемыки

Изгнанник

М.И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы камнями.
Вы в иступленье скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам —
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.

Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальной!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальнойю.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно-розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Июнь 1904

Москва

Бегство

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючий, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной.

Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.

И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.

Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
«Ведут – арестанта ведут».

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок...
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.

Ночь кинулась птицею черной

На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.

Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.
Безжизненно в небо уткнулся
Церковный серебряный шпиг.

И ветел старинные палки;
И галки, – вот там, и вот здесь;
Подгорные, длинные балки¹⁰:
Пустынная, торная весь.

Сердитая черная туча.
Тревожная мысль о былом.
Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом:

С сигаркой в зубах среди колец
Табачных в просторе равнин,
Над нею склонил богомолец
Клоки поседевших седин.

Россия, увидишь и любишь
Твой злой полевой небосклон.
«Зачем ты, безумная, губишь», —
Гармоники жалобный стон;

---

¹⁰ Овраги.

Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?!

Но слышу, бездомный скиталец,
Погони далекую рысь,
Как в далях шлагбаум свой палец
Приподнял в холодную высь.

1906

Малевка

В полях

В далях селенье
Стеклами блещет надгорное.

Рад заведение
Бросить свое полотерное.

Жизнь свою муча,
Годы плясал над паркетами.

Дымная туча
Вспыхнула душными светами.

Воля ты, воля:

Жизнь подневольная минула.

Мельница с поля
Руки безумные вскинула.

В ветре над логом
Дикие руки кувыркает.

В логе пологом
Лошадь испуганно фыркает.

Нивой он, нивой
Тянется в дальнюю сторону.
Свищет лениво
Старому черному ворону.

1906

Москва

Хулиганская песенка

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.

Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.

Костью крепок, сердцем прост —

Обходили мы погост.

Поминал со смехом он
День веселых похорон: —

Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп:

Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.

«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.

Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

Июль 1906
Серебряный Колодезь

Путь

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.
Звонит колоколец невнятно.
Я болен – я нищ – я ослаб.

Колблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, —
И дале – и дале – и дале —
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906

Дедово

Вспомни!

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо, – вся в лазурных
В полевых цветах —
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.
Вспомни ласковые встречи —
Вспомни: видит Бог, —
Эти губы, эти плечи
Поцелуем жег.

Страсти пыл неуголенной —
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной —
Там – и там: и там —

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.
Ты не любишь: ты забыла
Всё забыла ты.

1906

Мюнхен

Побег

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели – глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.

Что устави́лась в дальнюю проси́нь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень, —
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегая вдоль дальней межи —

Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.
Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:

Мы опять убежим; и заплещут

Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листья.

Я бегу... А ты?

1906

Москва

Осень

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь – нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906

Мюнхен

Время

1

Куда ни глянет
Ребенок в детстве,
Кивая, встанет
Прообраз бедствий.
А кто-то, древний,
Полночью душной
Окрест в деревни
Зарницы точит —

Струей воздушной
В окно бормочет:

«В моем далеком
Краю истают
Годины.

Кипя, слетают
Потоком
Мои седины:

Несут, бросают

Туда:
Слетают
Года —

Туда, в стремнины...»

Слетают весны.
Слетают зимы.
Вскипают сосны.

Ты кто, родимый?

– «Я – время...»

2

Много ему, родненькому, лет:
Волосы седые, как у тучек.

– Здравствуй, дед!
– Здравствуй, внучек!

– Хочешь, дам тебе цветок:
Заплету лазуревый венок.
Аукается да смеется,
Да за внучком, шамкая, плетется.

Он ли утречком румяным – нам клюкою не грозит?
Он ли ноченькою темной под окошком не стучит?

Хата его кривенькая с краю:
Прохожу – боюсь: чего – не знаю.

3

Как токи бури,
Летят години.

Подкосит ноги
Старик и сбросит
В овраг глубокий, —
Не спросит.
Власы в лазури —
Как туч седины.

Не серп двурогий —
Коса взлетела
И косит.

Уносит зимы.
Уносит весны.
Уносит лето.

С косою воздетой
Укрылся в дымы:
Летит, покрытый
Туманным мохом.

Коси, коси ты, —
Коси ты,
Старик родимый!

Паду со вздохом
Под куст ракиты.

4

Пусть жизни бремя
(Как тьмой объяты)
Нам путь означает,

А Время,
Старик косматый,
Над вами плачет.

Несутся весны.
Несутся зимы.

Коси, коси ты, —
Коси ты,
Старик родимый!

1909

Москва

Успокоение

Л.Л. Кобылинскому

1

Вижу скорбные дали зимы,
Ветер кружева вьюги плетет.

За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лёт.

Жизнь расплывается сном —
День за днем.

Мучают тени меня
В безднах и ночи, и дня.

Плачу: мне жалко

Былого.
Времени прялка
Вить
Не устанет нить
Веретена рокового.

Здесь ты терзайся, юдольное племя:
В окнах тюрьмы —
Саван зимы.

Время,
Белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные просится;

Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.

Здесь воздеваю бессонные очи, —
Очи,
Полные слез и огня.

Рушусь известно в провалы я ночи
Здесь с догорающим отсветом дня.

В окнах тюрьмы —
Скорбные дали, —
Вуали
Зимы.

Ночь уходит. Луч денницы
Гасит иглы звезд.

Теневой с зарей ложится
Мне на грудь оконный крест.

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:

Улыбаюсь я, распятый —
Тьмой распятый в блеске дня.
Простираю из могилы
Руки кроткие горе,

Чтоб мой лик нездешней силой
Жег, и жег, и жег в заре,

Чтоб извечно в мире сиром,
Вечным мертвецом,

Повисал над вами с миром
Мертвенным челом —

На руках своих пронзенных,

В бледном блеске звезд...

Вот на плитах осветленных
Теневой истаял крест: —

Гуще тени. Ярче звуки.
И потоки тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

3

Плачу. Мне жалко
Света дневного.

Времени прялка
Вновь начинает вить
Нить
Веретена рокового.

Время белые кони несут:
В окна грива метельная просится;

Скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.

Воздеваю бессонные очи —
Очи,
Полные слез и огня,
Я в провалы зияющей ночи,
В вечеряющих отсветах дня.

1905

Москва